

ЛитРес:

ЕЛЕНА
ПАЛЕНОВА

ЩЕНА

■ КОЛДОВСТВА

Одарённые

Елена Паленова

Цена колдовства

«Автор»

2022

Паленова Е.

Цена колдовства / Е. Паленова — «Автор», 2022 — (Одарённые)

Отсутствие общих детей с любимым человеком, который и так бросил тебя за два дня до свадьбы - невелика цена за простенькое колдовство, предназначенное для того, чтобы защитить несостоявшегося жениха от его же собственной матери. Юля согласилась, потому что ей нечего было терять. Но девушка не могла знать, что умирающая ведьма её обманула, причём не теперь, а ещё двадцать лет назад, и истинная цена прикосновения к магии на самом деле окажется непомерной.

© Паленова Е., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Елена Паленова

Цена колдовства

Глава 1

Знакомиться с родителями жениха Юля шла, как на плаху. Сашка рассказывал о них мало, особенно об отце, который, с его слов, ничего примечательного собой никогда не представлял – трудяга без высшего образования, большую часть времени вкалывает на заводе, а когда бывает дома, то его присутствие даже не ощущается. Тихий, неприметный человек, которого вроде как нет даже тогда, когда он есть. Настолько неприметный, что Юлька даже его имя и отчество не запомнила. Зато приятно было знать, что будущий свёкор в личную жизнь сына никогда не вмешивается.

Про маму жениха девушка знала чуть больше – Светлана Борисовна родом из интеллигентной семьи, педагог, но по профессии не работает, поскольку считает себя потомственной колдуньей. Это-то Юлю и пугало. Её мама тоже верила в колдовство, причём настолько, что однажды на целый месяц отдала свою восьмилетнюю дочь жуткой старухе, чтобы та сняла с Юльки какую-то порчу. Была эта порча на самом деле, или старуха просто хотела нажиться на суеверности доверчивой женщины, но пережитое за тот месяц до сих пор иногда снилось девушке в кошмарах. Свечи, тени, запахи, мерзкие на вкус зелья, бесконечные молитвы и ночные бдения, омовения ледяной водой, остриженные волосы – колдунья измывалась над ней, как хотела. С тех пор уже почти двадцать лет прошло, но Юля так и не смогла избавиться от этого своего детского страха, поэтому оттягивала знакомство с будущей свекровью так долго, как только могла.

– Да брось ты, – пытался успокоить её Сашка. – Ну какая она ведьма? Просто попала под сокращение в постперестроечные времена и от нечего делать решила в колдуньи податься. Самоучителей-то тогда по магии навалом в магазинах было, каждый второй считал себя если не магом, то предсказателем или толкователем снов. У нас дома этой макулатурой два шкафа завалено.

А потом Сашка смеялся, рассказывая о том, как его мама своим шарлатанством как-то раз почти целый год семью содержала, когда отцу на заводе зарплату месяцами задерживали. Люди верили ей. Шли со своими проблемами, несли в благодарность за помощь продукты и деньги, а она им на картах гадала, травки какие-то заваривала, заговоры из книжек выписывала. Вроде бы и ничего ужасного, обычная игра на людской наивности и доверчивости, но после этих слов Юля начала бояться Светлану Борисовну ещё сильнее – в существование магии она не слишком-то верила, но почему-то думала, что от шарлатанов в этом деле бед куда больше, чем от настоящих колдунов, если такие бывают.

Всё бы ничего, но они с Сашкой уже заявление в ЗАГС подали – дольше тянуть со знакомством было уже невозможно. Своим родителям Юля уже давно жениха представила, а теперь вот пришло время познакомиться с его мамой и папой.

– Если для тебя это настолько глобальная проблема, Юль, то мы можем вообще к моим предкам никогда не ходить, – предложил Саша, заметив, как сильно нервничает его невеста.

– Ага, – грустно усмехнулась Юля в ответ. – И на свадьбу их не пригласим, да? А через год или два ты меня начнёшь упрёками закидывать. Думаешь, я не вижу, что тебе обидно? Сейчас я для тебя важнее, да, но она-то твоя мама. Нет уж, я лучше один раз переступлю через свои страхи, чтобы потом ты не говорил мне, какая я бессердечная эгоистка.

* * *

Будущая свекровь невзлюбила потенциальную невестку с первого взгляда. Открыла дверь, смерила Юлю презрительным взглядом с головы до пят, отвернулась и ушла. Не поздоровалась даже и в дом не пригласила.

– Не обращай внимания, – улыбнулся Саша. – Наверное, магнитные бури сегодня. Ну или у мамы в очередной раз чакра какая-нибудь погнулась, у неё это частенько случается. Пойдём, я тебя хотя бы с отцом познакомлю. Ну проходи давай.

Он подтолкнул застывшую на пороге Юльку вперёд, хотя ей знакомится с будущей родней уже совершенно расхотелось. Немудрено, после такого-то приветствия. И всё же девушка заставила себя войти в дом, разуться и изобразить, что она нисколько не расстроена. Сама ведь настояла на этой встрече, нехорошо теперь идти на попятную. Ну и что, что будущая свекровь встретила детей с недовольно поджатыми губами? Люди все разные, и никто никому улыбаться при первой встрече не обязан.

Дом у Сашиных родителей был небольшой, но уютный и идеально чистый. В гостиной, где на диване перед телевизором сидел глава семейства, действительно стояли два больших книжных шкафа. Заголовки на корешках толстых книг яснее ясного говорили о содержании коллекции – «Хиромантия», «Основы нумерологии», «Гадание на картах Таро», «Заговоры сибирской целительницы»...

– Пап, привет! Познакомься, это Юля, моя невеста, – громко обратился Саша к отцу, и Юля с трудом оторвала взгляд от книжных полок, немедленно переключив всё своё внимание на морщинистое лицо будущего свёкра.

– Здравствуйте, – кисло улыбнулась она и покраснела, потому что напрочь забыла, как зовут этого усталого и, кажется, равнодушного ко всему мужчину.

Сашкин отец молчал почти минуту, переводя пустой взгляд с сына на гостью, а потом выдал из себя: «Очень приятно...», на чём, собственно, знакомство и закончилось. Мужчина снова устался в телевизор, а Юля разочарованно подумала о том, что лучше бы она вообще в этот дом не приходила.

– Он всегда такой, – пояснил Саша, уводя расстроенную невесту в кухню. – Вообще он мировой мужик. Если сказал, что ему приятно, значит, так и есть. Ну не умеет человек эмоции свои выражать, что ж поделаешь? Это твой папаша чуть ли не всю улицу на радостях шашлыком накормил и на свадьбу нашу пригласил, а мои вот такие. Зато мама, кажется, испекла свои фирменно-офигенные пироги с брусникой. Садись, будем чай пить с вкуснятиной.

Юля присела на табуретку у стола, изо всех сил стараясь не заплакать. Не так она представляла себе этот визит к будущим родственникам. Сашка ведь заранее их предупредил, а впечатление складывалось такое, будто гостям здесь в принципе не рады. Может, для их семьи это и нормально, но она так не привыкла. Почему-то считала, что родители должны как-то по другому реагировать на новость о том, что их сын женится.

Пирожки действительно выглядели аппетитно и пахли умопомрачительно. Юля вздохнула тяжело и потянулась через стол к блюду с угощением, но тарелка с выпечкой неожиданно перекочевала с накрытой бледно-жёлтой скатертью столешницы в руки невесты откуда появившейся Светланы Борисовны.

– Я не для того всё утро спину гнула, чтобы всякую шваль своей стряпнёй кормить. Пошли вон из моего дома оба! Глаза б мои вас не видели...

Это было уже чересчур. Саша, не ожидавший такого возмутительного поведения, изумлённо вытаращился на мать, а Юля молча вышла на веранду, сунула ноги в туфли и поспешила поскорее убраться подальше от столь гостеприимного дома. Жених догнал её уже возле автобусной остановки. Извинился за случившееся, но оправдывать Светлану Борисовну не стал, потому что сам был в шоке от её выходки.

– Саш, остынь. Я же не за них замуж выхожу, а за тебя, – успокоила его невеста. – У каждого свои странности. Неприятно, да, но я это как-нибудь переживу.

* * *

И всё же с того дня между ними будто стена начала расти. Вроде всё, как прежде, но не то. О случившемся оба старались не вспоминать, но разве такое забудешь? Саша стал молчаливым и замкнутым. Вечерние прогулки и воскресные вылазки на природу постепенно прекратились. Со стороны парня начались придирки по мелочам и безосновательные упрёки. Юля понимала, откуда дует ветер, и разве что в лепёшку не разбивалась, стараясь показать жениху, что всё хорошо, что они в состоянии справиться с любой проблемой, но романтики в их отношениях с каждым днём становилось всё меньше и меньше. К концу срока, остававшегося до свадьбы, все разговоры между женихом и невестой сводились к обсуждению исключительно бытовых вопросов – нужно сделать очередной платёж хозяйке съёмной квартиры, не мешало бы сменить шторы, необходимо вызвать мастера, чтобы починил стиральную машину, потому что на новую денег нет. К этому времени они даже прикасаться друг к другу перестали, потому что Сашу общество Юли явно раздражало.

За два дня до свадьбы он пришёл с работы раньше обычного. Принёс с собой несколько больших сумок, открыл шкафы и начал собирать свои вещи.

– Всё закончилось, да? – старательно глотая слёзы, осведомилась Юля.

– Вот только давай без истерик, а? – поморщился Александр. – Между нами уже давно ничего нет, мы даже спим на разных диванах. Зачем продолжать этот цирк? Свадьба эта... Я тебя не люблю, Юль. Наверное, никогда не любил.

– Зато маму свою ты любишь больше, чем она того заслуживает, – не сдержалась Юля. – Это ведь из-за неё ты меня бросаешь, да? Будешь искать такую девушку, которую она с распростёртыми объятиями примет?

– Дело не в ней и не в тебе, – сухо процедил Саша в ответ. – Просто я не хочу притворяться влюблённым ослом ради того, чтобы сделать тебя счастливой. Я собственного счастья хочу, понимаешь? А рядом с нелюбимой женщиной ему взяться неоткуда. И это... С арендой квартиры дальше как-нибудь сама решай, я за неё больше платить не буду.

«Совсем чужой стал», – думала Юля, сквозь слёзы наблюдая за тем, как любимый аккуратно складывает в сумки свою одежду. Холодный, отстранённый... Было в происходящем что-то неправильное, но девушка никак не могла понять, что именно. Так ведь не бывает, чтобы человек любил безумно и говорил, что готов на всё, лишь бы быть вместе, а потом в одночасье кардинально изменился. Она-то не изменилась, для неё всё осталось прежним даже после злополучной поездки к Сашиним родителям, а в нём будто сломалось что-то. «Неужели он и правда настолько зависим от мнения своей матери, что даже личную жизнь готов устраивать по её указке?» – уже в который раз пришла в голову неприятная мысль, и в этот раз Юля гнать её от себя не стала. Зачем, если всё очевидно?

После ухода Саши она поняла, что не может находиться в квартире, хранившей столько разных воспоминаний. Позволила себе наревестись от души, а вечером тоже уехала, но пока что без вещей – нужно было сначала поговорить о своём возвращении в лоно семьи с родителями.

* * *

– Бросил? – Роза Антоновна непонимающе моргнула и присела на край кресла, наповал сражённая этой новостью. – Как же так? У вас же свадьба послезавтра.

– Не будет никакой свадьбы, мам, – шмыгнула носом Юля. – Слушай, можно я к вам вернусь? Я просто одна не потяну за всё платить. У меня зарплаты не хватит.

– Да о чём речь? Возвращайся, конечно. Юленька, а что случилось-то? Ты Сашу чем-то обидела?

– Я? – горько усмехнулась девушка. – Я его маме не понравилась, только и всего.

– Да ну нет, – отмахнулась от неё мать. – Быть такого не может. Саша не такой.

– Такой, мам. У нас после знакомства с его родителями почти три месяца всё коту под хвост катилось. Я просто не рассказывала вам с папой, чтобы не расстраивать. Если вы не против, я здесь сегодня переночую, а завтра за вещами своими поеду. Не хочу там одна оставаться.

Роза Антоновна не стала мучить дочь расспросами – переболит больное, и Юля сама объяснит, что именно случилось между ней и Сашей. Ответственный, умный, хороший парень... Женщина была склонна полагать, что у него просто случился нервный срыв перед свадьбой, такое ведь бывает. А Юля так не считала, поскольку знала, что решение её жениха не было сиюминутным – он долго шёл к этому, медленно разрушая их возможное общее счастье.

Ночь девушка провела в слезах. На работу утром не пошла – по телефону попросила у начальницы отгул, в общих чертах обрисовав ситуацию. Выслушала слова сочувствия, поблагодарила за понимание, а потом откопала у родителей в чулане несколько больших сумок и поехала на квартиру собирать вещи.

В шкафу среди Юлиной одежды обнаружился Сашин свитер и пара футболок. В ванной остались его бритвенные принадлежности и несколько пар носков на полотенцесушителе. В кухне – любимая кружка, подаренная коллегами на какой-то праздник. Пара книг, фотографии, зарядник от планшета, всякая мелочёвка... Можно было всё это просто спустить в мусоропровод, но Юля решила, что так будет неправильно. Ну или просто хотела ещё раз услышать в телефоне голос любимого. Мысленно отрепетировав свой монолог о забытых в квартире вещах, Юля набрала Сашин номер, но в ответ услышала только длинные гудки. А потом зачем-то потащилась с пакетом ненужного барахла в частный сектор, где жили Сашины родители.

Он был дома. Стоял у окна и равнодушно смотрел через стекло на бывшую невесту. Даже не удосужился выйти к запертой калитке и забрать свои вещи, хотя Юля целую пантомиму на дороге разыграла, показывая, зачем именно она пришла. Глупо получилось. Глупо и обидно. В итоге девушка просто повесила пакет на забор и ушла, потому что ждать было нечего. Он не хочет её видеть. Не хочет разговаривать. Зачем унижаться?

Автобусная остановка находилась совсем недалеко от дома Сашиных родителей, но Юля была настолько разбита обстоятельствами, что не нашла в себе сил проделать даже такой короткий путь. Она просто отошла подальше от их дома, села на крышку бетонного колодца возле колонки и уставилась прямо перед собой невидящим взглядом. «За что мне это всё?» – думала она, перебирая в уме события последних месяцев.

– Девушка, извините, вы мне не можете донести вёдра? Ногу зимой сломала, тяжело теперь.

Юля так глубоко погрузилась в свои невесёлые мысли, что даже не заметила, когда эта женщина успела подойти к колонке и набрать воду. Рядом же совсем, в метре всего, а она и шума-то не слышала, так задумалась.

– Помогу, конечно, – отозвалась растерянno, встала и подхватила тяжёлую ношу. – Что ж вы сами-то такие тяжести таскаете? Вам вообще после перелома нельзя такие нагрузки.

– Да знаю я, только деваться некуда, – вздохнула незнакомка. – Мужика в хозяйстве нет, вот и приходится всё самой. Вообще у нас водопровод, но пару месяцев назад тут прорыв был, и нас временно отрезали. Увы, ничто так не постоянно, как временное. Уж и жалобы писала, и скандалила, а толку никакого, всё завтраками кормят. Если не сложно, в дом занесите, пожалуйста. В кухню.

Жила женщина почти напротив Сашиных родителей. Возвращаться в этом направлении Юле не хотелось, но она всё же занесла вёдра в дом, выслушала поток благодарностей и собиралась уже уходить, но хозяйка неожиданно придержала её за руку.

– Извините, можно я вас ещё на одну минутку задержу? – она провела Юлю в комнату, где за столом у окна сидела худенькая девушка с короткой стрижкой и, закусив кончик языка, складывала пазлы. – Это моя дочь Олеся. Доченька, поздоровайся с гостьей.

– М-м-м... – девушка посмотрела на Юлю, широко улыбнулась и вернулась к своему занятию.

На вид Олеся была Юле ровесницей. Может быть, немного младше. Костлявые плечики. Тонкие, непослушные пальчики. Пустой, ничего не выражающий взгляд. «Больная, наврное», – подумала Юля смущённо.

– Поверите, что она переводчик с высшим образованием, свободно владеющий шестью иностранными языками? – грустно усмехнулась несчастная мать. – Ещё два года назад у неё коса была роскошная, но пришлось остричь, чтобы дочь не ела собственные волосы.

– Я вам искренне сочувствую, но не совсем понимаю, зачем вы мне это рассказываете, – честно призналась Юля, которой было не по себе от этого знакомства. – Я, пожалуй, пойду. Извините.

– Это вы меня извините. Хотела вам показать, чем заканчиваются отношения с сыном моей соседки.

– В смысле? – опешила Юля от этого неожиданного заявления.

– До вас Саша встречался с Олесей, – пояснила хозяйка. – Она замуж за него собиралась. Частой гостьей в их доме была. Я не замечала, что неладное творится, пока она чахнуть не начала потихоньку. Болела, с работы уволили... А потом в один день она просто не встала с кровати. Лежала пластом со стеклянными глазами, как мёртвая. Её тогда в больницу забрали, а оттуда в психушку отправили. Саша приехал один раз, посмотрел на неё и после этого больше так у нас и не показывался. Я не знаю, насколько далеко зашли ваши отношения, просто хотела предостеречь. Эти ироды душу из моей девочки высосали. Светка с дьяволом знается и секрета из этого не делает. Брось Сашу. Не ходи к ним. Я второй раз тебя у их дома вижу, и оба раза ты в слезах. Беги от него, если не хочешь вот такой стать. Машку, что до Олеськи у него была, они вообще в гроб загнали. И у нас бы так всё закончилось, если б не поняли, откуда беда идёт. Эта гадина Светка присосалась к моей дочке, как пиявка, и пила из неё жизнь, пила... Хорошо, что человек знающий нашёлся – подсказали, как не дать ведьме сгубить Олесеньку, как защитить девочку. Светка меня после этого до сих пор проклинает, да на мне тоже защита от неё стоит. Я тебе дам адресок, ты сходи, пусть тебя тоже посмотрят – вдруг она и к тебе присосаться успела.

– Спасибо, не надо, – процедила сквозь зубы Юля, злая из-за того, что пришлось всё это выслушать.

Она ушла, даже не попрощавшись. Сбежала, потому что испугалась. В памяти снова воскресла та старуха с её обрядами, которая по сей день иногда являлась в кошмарах. Страшно в такое верить. И не верить тоже страшно, потому что в подобных ситуациях неверие ещё большей бедой обернуться может.

* * *

Юля изводила себя сомнениями несколько дней. Вспоминала, что Саша рассказывал ей о своём прошлом. Да у него была девушка, которая знала несколько языков, но он говорил, что она помешалась на своей профессии, глотала книги тоннами и в итоге спятила. Он рассказывал об этом ещё до того, как они с Юлей начали регулярно встречаться – мол, надеется, что Юлька не ботанка, а то ему с лихвой хватило предыдущего опыта. Пошутили тогда и забыли. А больше Юля ни о чём его и не спрашивала, поскольку они договорились, что прошлое останется в прошлом и не будет мешать их совместному счастливому настоящему.

Помогли Олеся с ума сойти, или она сама себя до этого довела тягой к знаниям, но намёк, что и к ней, к Юле, могли как-то магически «присосаться», никак не давал девушке покоя. Когда носить в себе этот страх стало невыносимо, Юля собрала с духом и выложила матери всё, как есть.

– Так вот, где собака зарыта, – понимающе покачала головой мать, выслушав сбивчивый рассказ дочери. – Знаешь, почему ты у нас в семье единственный ребёнок?

– Потому что ты болела сильно, – удивилась Юля. – Разве нет? И какое сейчас это имеет значение?

– Не болела я, – вздохнула Роза Антоновна. – Ты, наверное, по сей день на меня в обиде за то, что тебе в детстве пережить пришлось, но правды-то не знаешь. Мала ты была ещё, не поняла бы ничего всё равно, а потом я напоминать тебе об этом из-за страхов твоих так и не решилась.

– Мам, ты о чём? – нахмурилась Юля.

– О порче, доченька. И о старухе, которой я тебя тогда отдала. Ты ведь умереть должна была. Сохла, болела, не ела ничего, спать не могла. Это моя вина, что так случилось...

– Мам...

– Не перебивай меня, – сурово сдвинула брови женщина. – Ты не знаешь, что это такое, потому что своих детей у тебя пока нет, а когда коснётся, во что угодно поверишь, лишь бы спасение от беды отыскать. Я тогда на рынке фруктами торговала, помнишь? Однажды к прилавку подошла хорошо одетая женщина и долго рылась в ящике с яблоками, а потом пробормотала что-то непонятное, и ушла. Я её за чокнутую приняла, посмеялась. А вечером, когда товар в машину собирали, хозяин заметил, что в ящике почти все яблоки подгнили с одного бока. Отругал меня. Я ведь должна была за фруктами следить и гнилое с витрины убирать, чтобы покупателей плохим товаром не распугивать. Я не видела, что яблоки гнилые, а все остальные это видели, представляешь? Четыре штучки всего целые оказались, не испорченные. Я тогда расстроилась сильно, плакать начала, а хозяин успокоил меня – сказал, что не уволит. И яблоки эти целые мне отдал.

– Мам, ну при чём тут яблоки? – устало вздохнула Юля.

– А при том, что ты эти яблоки съела и заболела. Ни я, ни папа их не ели. Только ты. И заболела-то не сразу, а медленно таять начала. Это мне уже потом та бабка, к которой я тебя отвезла, объяснила, что было не так с этими яблоками. Так ведьмы порчу с людей на себя снимают, а потом на еду или предметы её сводят и другим передают. Яблок много было, покупателей на рынке тоже не мало – одну порчу, на части разделенную, никто и не заметил бы. Потошило бы немного всех, кто эти яблоки покупал, только и всего. А яблоки сгнили за день, настолько сильной эта порча была. Понимаешь? Ты чуть не умерла только потому, что я эти проклятые яблоки домой принесла.

– Мам, ну хватит уже...

– Нет, дочь, не хватит, – покачала Роза Антоновна головой. – Ты можешь не верить в это, но рассказать я должна. Думаешь, это легко – смотреть, как твой ребёнок умирает, а врачи при этом только руками разводят и витаминки выписывают? Тогда я по бабкам-то и пошла. Переступила через своё неверие и пошла. Та старуха, которой я тебя отдала, была единственной, кто помогать взялся. Другие тоже про порчу иногда говорили, но расплывчато, и только она мне прямо с порога заявила, что это я во всём виновата. Сказала, что ты смерть свою с моих рук ела. Представляешь, каково мне было это слышать?

– И ты ей прямо сразу поверила, да? – скептически вздёрнула бровь Юля, хотя тоже уже была готова поверить в то, что на них с Сашкой Светлана Борисовна какую-то порчу навела.

– Не сразу, – вздохнула Юлина мать. – Ушла я тогда от неё. Слов грубых наговорила. А она меня догнала у калитки и говорит: «Если мне не веришь, в церковь иди и попробуй свечу за здоровье дочки своей поставить. Ни одна свеча у тебя не загорится, вот увидишь. Только не мешкай, потом поздно будет локти кусать». Я и пошла. Прямо от неё в церковь поехала. За папки твоего здоровья свечку зажгла, за бабушку с дедушкой, за половину друзей своих, а как за тебя зажечь пытаюсь – ничего не получается. К людям незнакомым подходила, их просила, но без толку. И у батюшки тоже не получилось свечу за твоё здоровье зажечь, после чего я приехала домой, сгребла тебя в охапку и повезла в деревню к той старухе.

– Дальше можешь не рассказывать, я прекрасно помню, как она меня исцеляла, – скривилась Юля.

– Ты злишься, а я ведь ей прямо сейчас благодарна даже больше, чем раньше, Юль, – с упрёком посмотрела на дочь Роза Антоновна. – Если бы она тогда защиту для нас не сделала, неизвестно, в какую грязь ты бы вляпалась со своей несостоявшейся свекровью.

– Какую защиту? – нахмурилась девушка.

– Не знаю, я в этом не разбираюсь, – призналась женщина. – Бабка за снятие порчи тогда не взяла с нас ничего, и мне неудобно стало, поэтому я спросила, может ли она нашу семью от всех этих порч, сглазов и прочей магии заговорить как-нибудь. Она сказала, что может, но от сложности и цена зависеть будет. Мол, чем крепче слово, тем дороже оно стоит. Я попросила самое крепкое.

– И?

– И выбрала такое, которое нас всех троих защитит до самой смерти не только от колдовства, но и от прочих бед и напастей.

– А цена?

– А ценой, Юленька, было то, что у тебя нет ни братиков, ни сестричек.

– Как это?

– А вот так, – грустно улыбнулась Роза Антоновна. – Защита на троих рассчитана. Появится в семье четвёртый, и она исчезнет, а всё, от чего мы защищены были, вернётся сторицей.

– То есть ты не рожала больше детей только потому, что эта старая ведьма тебя напугала какими-то мифическими последствиями? – недоверчиво скривилась девушка.

– Но тебя-то она выходила, – напомнила ей мать. – Допусти хотя бы на минуточку, что Сашина мама и правда что-то в колдовстве понимает. Одну невестку она на тот свет отправила, вторую чуть в гроб не уложила, а об тебя сходу зубы обломала, потому что ты заговорённая. Не хочет она никому сына своего отдавать. Пока он развлекается, она помалкивает, а как до серьёзного чего дело доходит...

– Мам, ну ты вообще... – Юля покрутила пальцем у виска и ушла в свою комнату, потому что ничего больше не хотела слышать про колдовство, про свою несостоявшуюся свекровь и про всё остальное, чего боялась и не понимала.

Она уже переоделась в пижаму и собиралась лечь спать, когда телефон разразился весёлой трелью входящего звонка. Звонили с незнакомого номера, и Юля несколько мгновений раздумывала, стоит ли отвечать, а потом всё же решилась.

– Алло?

– Юля? – донёсся из аппарата голос Светланы Борисовны.

Девушка от неожиданности выронила телефон из рук и уставилась на него, как на ядовитую змею. Звонок завершился, а потом аппарат запиликал снова.

– Какого чёрта тебе ещё от меня надо? – зло проворчала Юля, поднимая телефон с пола и нажимая кнопку ответа. – Алло?

– Я скажу один раз, и повторять больше не буду. Если не хочешь остаток своей жизни провести в колонии, забудь дорогу к нашему дому. Поняла?

– Вы бредите? – сухо осведомилась Юля. – В какой ещё колонии?

– Строгого режима, – спокойно пояснила Сашина мама. – Ты сегодня заглядывала в гости к бывшей невесте моего сына, а сразу после твоего ухода их дом загорелся. Олеська и её мать заживо сгорели. Ужасная смерть... И мне не составит труда убедить следователей, что это было умышленное убийство на почве ревности. Ты всё хорошо расслышала?

Юля завершила звонок и отложила телефон в сторону, отказываясь верить своим ушам. Снова включила свой ноутбук и нашла на местном сайте новостей информацию о пожаре на

улице, где жил Саша. Олеся и её мать действительно погибли в огне, а причиной трагедии предварительно было назван поджог.

Спать Юле расхотелось совершенно. В голове роились воспоминания прошедшего дня и невесёлые мысли о том, что Светлане Борисовне и правда ничего не стоит подставить несостоявшуюся невестку, лишь бы удержать сына при себе. «Она ничего не может мне сделать. Наша семья заговорённая от любых бед и напастей», – пыталась утешить себя девушка, но легче от этого не становилось. Если чокнутая женщина способна заживо сжечь неугодных ей людей, то уж дать обвинительные показания в полиции для неё точно раз плюнуть. Вряд ли колдовская защита, даже если она есть, способна противостоять таким проявлениям реальности, как клевета и уголовная ответственность.

Первое пришедшее на ум решение казалось самым правильным – засунуть свою любовь подальше, навсегда выбросить Сашу из своей жизни и постараться забыть о нём. Перестрадается, переплачется, перетерпит, и со временем всё встанет на свои места. Возможно, где-то впереди на жизненном пути есть настоящее счастье. Но... Где гарантия, что когда-нибудь Юля не встретится случайно с Сашей на улице, а Светлана Борисовна не сочтёт эту встречу намеренной? И что тогда? Что делать-то? Жить в постоянном страхе или бежать куда-нибудь подальше из города, где живут эта сумасшедшая ведьма и её сын?

В том, что Светлана Борисовна действительно способна колдовать, девушка уже почти не сомневалась. Если это не так, то почему Олеся и её мама не выбежали из дома, когда начался пожар? Почему вообще этот пожар случился, причём сразу же после ухода Юли? Стечение обстоятельств? Или всё-таки магия?

К утру от всех этих мыслей голова у Юли болела так, что она поехала не на работу, а в поликлинику. Взяла больничный до конца недели, села в пригородный автобус и поехала туда, куда забыть дорогу мечтала с самого детства.

Глава 2

Когда Юле было восемь, Зинаиде Трофимовне уже перевалило за семьдесят. Глупо было надеяться, что старуха всё ещё жива, но Юля надеялась, потому что у неё имелись вопросы, ответить на которые могла только эта жуткая женщина.

Покосившийся забор, неухоженный двор, прогнившие доски крыльца – ничего не изменилось с тех пор, как восьмилетняя Юлька уезжала из этого дома почти двадцать лет назад. Разве что гнилых и перекошенных деталей стало больше, да дровяной сарай наконец-то рухнул. Дом выглядел совершенно заброшенным, и только узенькая тропинка в густой траве свидетельствовала о том, что сюда кто-то регулярно ходит.

– Есть кто живой? – крикнула Юля в темноту прихожей, осторожно приоткрыв тяжёлую дверь, болтающуюся на одной только верхней петле.

– Да что ж такое-то? Помереть не дадут спокойно... – донеслось из глубины дома, пахнущего плесенью и мышами. – Ну входи, коль пришла. Я сама не встану уже.

Девушка опасливо покосилась на хлипкую дверь и провисшие балки потолка, но всё же осторожно проскользнула внутрь дома. Зинаида Трофимовна лежала на старой широкой лавке, которая когда-то давно служила Юле постелью. Осунувшееся морщинистое лицо, глубоко запавшие глаза, неприятный запах давно немытого тела – старуха, похоже, действительно собиралась наконец-то отойти к праотцам и явно была не слишком довольна тем, что ей помешали.

– А, это ты... – тяжело вздохнула она, отвернулась от гостьи и закрыла глаза.

– Вы меня узнали? – удивилась Юля.

– Колдовство своё узнала, потому и тебя помню, – пробормотала старуха. – Говори, зачем пришла, и уходи, куда крыша не провалилась.

– Вам, может, в больницу надо? – девушка бросила короткий взгляд на покрытый пятнами плесени потолок и предложила: – Давайте я «скорую» вызову?

– Нет, я здесь помереть хочу, в своём доме, – отозвалась Зинаида Трофимовна, не открывая глаз. – Ну говори уже, не томи.

– Да я, если честно, даже не знаю, с чего начать...

Начала Юля с рассказа о том, как они с Сашей ездили знакомиться с его родителями. Всё-всё вспомнила о событиях последних месяцев – и про забытые магической литературой шкафы в доме несостоявшейся свекрови, и про то, как поведение жениха менялось буквально на глазах, и про пустой взгляд Олеси, которой теперь уже не было в живых. Про пожар рассказала. Про угрозы.

– Кишка у ней тонка моё слово обойти, – спокойно сообщила старуха в ответ на Юлины жалобы. – Перед законом отвечать будешь тогда только, когда в самом деле его нарушишь, а наветов не бойся. Парня твоего жалко. Погубит она его.

– Как это? – нахмурилась Юля.

– А вот так. Если бы он под пятой у ней ходил, то от тебя сразу бы отказался, а вы год вместе прожили. Не маменькин он сынок, другое тут. Поглядеть бы на него, да сам он сюда не явится, а мне встать сил не хватит уже.

– У меня фотография есть, – Юля принялась рыться в сумочке, но Зинаида Трофимовна тихо хмыкнула и сообщила:

– Да не так поглядеть, дурында. Я уж лет пять как ослепла на оба глаза. Почувствовать мне его надо, ясно?

– А-а, – поняла Юля. – Ну тогда ничего не получится, да.

– Вот и я говорю, что не получится, – вздохнула старуха. – А парня всё равно жалко. М-да...

Зинаида Трофимовна не то задумалась, не то уснула. Юля стояла посреди полутёмной комнаты, прислушиваясь к её медленному дыханию, но уйти не решалась.

– Любишь его? – неожиданно спросила старуха.

– Люблю, – честно призналась Юля.

– Сильно любишь?

– Сильно.

– А ручка и бумага у тебя с собой есть?

– Да, конечно, – кивнула девушка и снова полезла в сумочку.

– Ну тогда записывай, что я скажу, а потом решишь, готова ты такую цену за его независимость платить или нет. Моих сил на это колдовство не хватит уже, всё тебе самой делать придётся.

Юля вынула из сумки записную книжку и ручку, но всё же уточнила, прежде чем начать записывать:

– А о какой цене идёт речь?

– Детей у вас не будет никогда. У тебя от другого мужика или у него от другой бабы – да. А общих не будет.

– Почему?

– А ты в магазине когда хлеб покупаешь, тоже у продавца спрашиваешь, из чего цена складывается? Колдовство всегда так устроено, что от чего-то отказаться надо, чтобы что-то получить. А уж соглашаться или нет – это дело твоё. Ну? Пишешь? А то устала я.

Юлька записала каждое слово и проговорила записанное вслух, чтобы удостовериться, что ничего не упустила. Предложила Зинаиде Трофимовне какую-нибудь помощь по дому или всё-таки врача вызвать, но старуха её прогнала. А в качестве благодарности за помощь попросила только на похороны прийти, в последний путь проводить, потому что из родных людей у колдуньи никого не осталось.

* * *

Юля долго ломала голову над тем, как ей поступить с инструкцией, полученной от умирающей ведьмы. Трудный выбор, если хорошенько подумать. Предложенное колдовство и на колдовство-то было не очень похоже – травы какие-то над водой сжечь, слова нужные сказать, а потом воду эту в новолуние под порог Сашкиного дома вылить. Больше на шарлатанство какое-то смахивало. И результатом всего этого должна была стать примерно такая же защита для Сашки, какая имелаась у Юли и её родителей. Теоретически Светлана Борисовна после всех этих манипуляций утратит магический контроль над сыном, а Саша прозреет, одумается и к брошенной невесте вернётся. Если любит, конечно.

Но Саша всегда хотел детей. Даже если бы у Юли всё получилось, и колдовство сработало, как бы она потом объясняла ему, почему не может от него забеременеть? Оба здоровы, генетически совместимы, а дети не получаются – долго они так протянут? О приёмных даже речи быть не может – Сашка сроду на это не согласится. Зачем мужику чужой ребёнок, если он вполне способен собственного сделать? Только вот «делать» ему на стороне придётся, и Юля подозревала, что не сможет с этим смириться. Да и сама она тоже всегда хотела ребёнка – своего, не чужого.

Защитить любимого от его собственной матери ценой возможного совместного счастья или оставить всё, как есть – вот тебе и выбор. И ответственность за принятое решение целиком и полностью ложилась на Юлины плечи. К тому же, это колдовство. Оно могло не сработать, могло сработать неправильно, и тогда предсказать последствия было бы просто невозможно. Это если верить. А если не верить? Но ведь никто же не заставляет принимать решение немедленно, правда? Всё и так уже настолько плохо, что хуже точно не станет.

* * *

О том, что Зинаида Трофимовна умерла, Юля узнала... во сне. Точнее, в изнуряющей полудрёме, когда ты вроде бы уже и не спишь, но окончательно проснуться не можешь. Девушке привиделось, что старуха склонилась над её кроватью, долго так стояла молча, а потом напомнила: «Ты обещала». Позже, за завтраком, Юля вяло ковырялась в тарелке с кашей и задумчиво хмурилась, пока наконец-то не решилась выговориться.

– Мам, я несколько дней назад в деревню ездила, к Зинаиде Трофимовне.

– Она ещё жива? – удивилась Роза Антоновна.

– Кажется, уже нет. Она просила на похороны к ней приехать, в последний путь проводить. Поедешь со мной?

Больничный у Юли тогда ещё не закончился, а Роза Антоновна без долгих раздумий отпросилась с работы, и они вместе поехали в деревню. Отец Юли Павел Петрович хоть и демонстрировал всегда своё недоверие ко всему сверхъестественному, но за давнее спасение Юльки тоже был старухе благодарен. В этот день у него был выходной, поэтому поехали не автобусом, а в машине.

Зинаида Трофимовна действительно умерла этой ночью. Крыша её ветхого дома всё-таки обвалилась, похоронив под собой хозяйку, и Юлина семья прибыла на место как раз к тому времени, когда спасатели извлекли тело покойницы из-под руин. На дороге стояли карета «скорой помощи», полицейский автомобиль и ещё какие-то машины. Пространство перед рухнувшим домом огородили колышками с сигнальной лентой, и соседи стайками топтались по периметру, болтая о случившемся всякую чушь. Чего только Юля не наслушалась, пока ждала хоть какой-нибудь официальной информации – ей почему-то хотелось верить, что Зинаида Трофимовна перед смертью не страдала.

– Нет, крыша здесь ни при чём. Бабуля к моменту обрушения уже окоченеть успела, – наконец-то различила она голос прибывшего на место происшествия эксперта.

– Результаты вскрытия когда будут готовы? – спросил кто-то из полицейских.

– Завтра, если вскрытие вообще потребуется, – равнодушно отозвался эксперт. – Ей девяносто шесть лет было, тут и так всё понятно. Но если скажут «надо»...

Оказалось, что никому не надо. Тело забрали в районный морг до решения о необходимости вскрытия, но уже через пару часов глава сельсовета сообщила не в меру любопытным жителям деревни, что хоронить Зинаиду Трофимовну будут завтра в десять часов утра. У Юли как раз на это время был назначен визит к врачу, поэтому пришлось звонить в поликлинику и переносить запись на понедельник.

Оставаться в деревне на ночь было незачем, да и негде. К тому же, утром отец и мать Юли должны были пойти на работу, и ехать на похороны предстояло ей самой. Приятного в этом было мало, но куда деваться – обещала же.

– А зачем ты к ней ездила-то? – наконец-то вспомнила Роза Антоновна вопрос, который хотела задать дочери весь день.

– За советом, – пожала плечами Юля.

Не рассказывать же маме о том, в какую историю она вляпалась. Во-первых, Роза Антоновна непременно поделится своими переживаниями с отцом, а тот из врождённого чувства справедливости помчится выяснять, с какой это стати Светлана Борисовна имеет наглость угрожать его дочери. Только хуже сделает. А во-вторых, что может посоветовать мать в ответ на Юлины переживания? «Забудь Сашу, других парней предостаточно». Нетрудно же догадаться. Роза Антоновна всегда выбирала самый простой из возможных путей, если это могло решить её проблемы. А у Юли простого пути нет, и объяснять это матери – только время тратить.

* * *

На похороны Зинаиды Трофимовны Юля опоздала. Рейсовый автобус сломался, а другой на замену дали только через полчаса – вроде бы и небольшая задержка, но местная администрация, кажется, стремилась решить вопрос с погребением как можно скорее. Юля прибежала с автобусной остановки на кладбище в начале одиннадцатого, но застала там только двух мужчин, ровняющих лопатами свежий могильный холмик, и худенькую женщину лет сорока пяти, поправляющую траурную ленту на единственной корзинке с живыми белыми лилиями.

– Что, уже всё? – растерянно поинтересовалась Юля, переводя дух.

– А кого ждать? – грустно усмехнулась женщина. – С одинокими стариками церемониться не принято. Из морга забрали, отпели, закопали и забыли. Вы родственница?

– Нет, – покачала Юля головой. – Зинаида Трофимовна говорила, что у неё нет родни.

– Детей и внуков нет, но у неё брат был старший, и внучатые племянники всё-таки где-то имеются, – сообщила незнакомка и повернулась к рабочим, которые уже собирались уходить. – Спасибо, ребята.

– Не за что, – проворчал один из мужчин. – Соболезную.

Рабочие ушли, и женщины остались у могилы одни. Юля положила на холмик перевязанные чёрной ленточкой гвоздики и вздохнула.

– Не по-человечески как-то. Неужели совсем никто не пришёл?

– Ну почему же никто? Я пришла. Вы пришли... – женщина натянуто улыбнулась Юле, вынула из кармана куртки телефон и посмотрела на экран. – Пора мне, извините.

Незнакомка бросила на могилу прощальный взгляд и ушла, не сказав больше ни слова. Оставаться на кладбище смысла не имело – день выдался прохладный, с неба накрапывал мелкий дождик, а подхватить простуду в Юлины планы не входило. Она вернулась в деревню и немного постояла перед руинами домика Зинаиды Трофимовны, вспоминая, как старуха когда-то будила её по ночам и заставляла читать молитвы. А теперь вот так вышло, что на смену прежним страхам и ненависти пришла горечь за человека, которого и похоронить-то оказалось некому.

Судя по табличке с расписанием, следующего автобуса в город ей нужно было ждать сорок пять минут. Зябко ёжась, Юля накинула на голову капюшон куртки и подумала о том, что можно, конечно, вызвать такси, но и этот транспорт тоже приедет нескоро. Спасибо доброму водителю старенького «жигулёнка», который не смог проехать мимо мёрзнувшей на остановке девушки.

– Вы в город? Могу подвезти.

«Спасибо, не надо», – чуть было не лягнула Юля, но сдержалась. Зачем отказываться-то? Приличный на вид мужчина пенсионного возраста. Одет неплохо, выбрит гладко. На маньяка не похож вроде, хотя у преступников обычно на лбу и не написано, чем они живут.

– Ну так что? Поедете или принципиально будете мокнуть? – усмехнулся незнакомец.

– Принципиально поеду, спасибо, – проворчала Юля в ответ и забралась на заднее сиденье автомобиля.

К счастью, мужчина оказался не болтливым и не пытался завязать знакомство. Молча довёз пассажирку до первой автобусной остановки в черте города, как она и просила, и уехал. Случайный человек, который появился в её жизни только для того, чтобы не дать простудиться в ожидании автобуса. «Из таких вот случайностей и состоит жизнь», – думала Юля, садясь в первую же подъехавшую к остановке маршрутку. А больше ни о чём думать не хотелось. Проводить Зинаиду Трофимовну в последний путь она опоздала, но хотя бы попрощалась. Обещание вроде бы выполнила. Старухи, воспоминания о которой с детства вызывали панический ужас, больше нет. Легче от этой мысли почему-то не стало, зато можно было наконец-то вернуться к своей прежней жизни и другим проблемам.

* * *

Проблемы... Проблема у Юли была только одна – Саша. Точнее, не он сам, а влияние Светланы Борисовны на него. Юля закрыла больничный и вышла на работу, пытаясь максимально загрузить себя текущими делами, чтобы поменьше думать о бывшем женихе. Да, любовь. Да, больно и обидно, но это не самое страшное. Девушку мучила мысль о том, что в её руках есть средство, которое, возможно, способно в корне изменить Сашину жизнь. Это всё равно, что сидеть на ящике с лекарствами и размышлять о том, имеет смысл раздавать их больным или нет. А вдруг на всех не хватит? А вдруг не подействует? Кому-то плохо, и ты понимаешь, что можешь попытаться помочь, но не делаешь этого, потому что боишься последствий.

Сначала Юля убеждала себя, что она не верит в силу колдовства. Ну да, была старуха, которая считала себя ведьмой, но где доказательства её силы? Если она была такой всемогущей, что людей практически с того света вытаскивала, то куда подевались все те благодарные за спасение клиенты? Почему на похороны не пришли те, кому она помогала? Она никому не была нужна. Какая уважающая себя ведьма допустит такое? И Светлана Борисовна тоже никакая не ведьма. Она просто стерва. А Саша – маменькин сынок. Ведь он же наверняка рассказывал мамочке о своей невесте. Фотографии показывал, сокровенным делился. Юля год с ним прожила. Год! И за это время его мама ни разу не попыталась выяснить, что невеста сына из себя представляет? А тут вдруг – бац! Знакомство, и сразу же финал отношений. Медленный такой финал, как танец умирающего лебедя. Может, она изначально была против выбора сына, а Сашка молчал. Может, он этими отношениями маму позлить хотел, а знакомством добить. Да что угодно может быть, причём без всякой магии – в чужую душу не заглянешь ведь.

А потом Юля поняла, что просто боится прикасаться к колдовству. Боится, что оно окажется настоящим. Она ведь до сих пор не видела ни одного подтверждения тому, что магия действительно существует. От мамы слышала, от Зинаиды Трофимовны, от других людей, но собственными глазами ни разу ничего не видела и на себе не испытывала. Найти реальное объяснение событиям намного проще, чем поверить в сверхъестественное. Для любого поступка можно придумать логичную причину. Саша нашёл себе другую девушку, чокнутая Олеся подожгла собственный дом... Если не думать о существовании магии, всё случившееся начинает выглядеть очень даже банально.

Но Юля о магии думала. Не потому, что ей хотелось, чтобы всё услышанное от других людей оказалось правдой, а по совершенно противоположной причине – она не хотела верить. В жизни и так слишком много потенциально опасного, чтобы бояться ещё и необъяснимого. А как проверить, существует оно или нет? Только пробовать. Вдруг это и правда может Саше помочь?

С тех пор, как они виделись в последний раз, прошло уже почти два месяца. Саша не делал попыток что-либо исправить, а Юля изводила себя ожиданием – вдруг позвонит? Или хотя бы сообщение напишет и спросит, как у неё дела. Сердцем она всё ещё на что-то надеялась, хотя умом понимала, что это бессмысленно. А потом они встретились – случайно, в торговом центре, куда Юля забежала после работы за подарком для мамы. Саша посмотрел сквозь неё так, словно она для него вообще не существовала. Это стало последней каплей.

* * *

Всю оставшуюся до новолуния неделю Юля тщательно готовилась к тому, что ей посоветовала сделать Зинаида Трофимовна. Детей у них с Сашей не будет? Да и чёрт с ними! Их появление в данных обстоятельствах и так из области фантастики, так какой смысл бояться лишиться того, чего всё равно нет и быть не может? Ей даже не ради возможности вернуть любовь это было нужно – Юля просто хотела окончательно избавиться от этой призрачной надежды на вероятное счастье. Хотела поставить точку и забыть навсегда.

Нужные травы почти все нашлись в аптеке, а недостающие – у бабушек на Центральном рынке. За родниковой водой после работы смоталась за город. Зинаида Трофимовна сказала,

что вода нужна из неосвящённого родника, а такой родник был на берегу реки неподалёку от дачного массива, куда они с Сашей несколько раз ездили к его друзьям на пикник. Его друзья... Забавно, но Юля даже не заметила, что за прошедший год умудрилась растерять свои собственные связи, а теперь ей было обидно, что так много утрачено из-за человека, который этого не стоил.

«Если эта ерунда сработает, и он ко мне прибежит... Пошлю его к чёрту. Всё равно его мамаша нам спокойно жить не даст», – уговаривала себя девушка, поджигая в обозначенный вечер свёрток с травами. Дома. В ванной. Над тазом с родниковой водой. Старуха не сказала ведь, где именно и когда травы надо жечь. Готовую заговорённую воду нужно в новолуние Сашке под крыльцо вылить – это основное требование, а детали значения вроде как не имеют.

– Юль, ты что там делаешь? Почему дымом пахнет? – послышался за дверью ванной комнаты взволнованный голос матери.

– Мосты сжигаю. У меня всё под контролем, мам, не волнуйся.

– Точно?

– Точнее некуда.

Пепел сожжённых трав нужно было смешать с водой и сказать слова заговора. Это оказалось сложнее всего, потому что Роза Антоновна никуда от двери не ушла – Юля слышала шорохи и понимала, что мать подслушивает, а слова требовалось произнести громко и отчётливо. Пришлось слить воду обратно в пластиковую бутылку, а пепел завернуть в бумажное полотенце, чтобы позже сделать всё необходимое без посторонних глаз и ушей.

– У тебя всё нормально? – взволнованно осведомилась Роза Антоновна, когда дочь вышла из ванной. – Что это за запах?

– Я хранила засушенные цветы, которые мне Сашка дарил, а теперь их сожгла, – соврала Юля. – Мам, иди свой сериал смотреть, начался уже. Всё в порядке, правда. Просто избавляюсь от воспоминаний.

– А, ну если так... – недоверчиво нахмурилась Роза Антоновна, но всё же оставила дочь в покое.

Если верить лунному календарю, новолуние должно было начаться после десяти часов вечера – у девушки оставалось ещё целых два часа на то, чтобы заговорить воду и добраться до дома Сашкиных родителей. Проблема заключалась в том, что по пути найти уединённое местечко было практически невозможно – город, вечер, везде люди. Саша хоть и жил в частном секторе, но там тоже не станешь на всю улицу колдовские слова орать. Ну, не орать, конечно, а громко говорить, но всё равно как-то страшновато. Оставался только один вариант – вызвать такси, доехать до лесопарка, где в это время только редкие собачники со своими питомцами выгуливаются, сделать всё там, а потом поехать на нужную улицу. Юля так и сделала. Сообщив родителям, что хочет подышать свежим воздухом, она вышла из подъезда во двор, оттуда через арку на проспект, и только тогда позвонила в такси.

К желанию пассажирки сделать крюк по городу с десятиминутным ожиданием в лесопарковой зоне водитель отнёсся равнодушно – ему какая разница? Подходящие густые заросли кустарника нашлись быстро. На улице уже стемнело, и сыпать пепел в пластиковую бутылку оказалось той ещё задачей, но Юля справилась. Взболтала содержимое бутылки, громко проговорила заговор, обозвала себя дурой за то, что решилась на это безумство, и вернулась обратно в машину.

– Теперь на Садовую, – сообщила водителю конечный пункт маршрута.

– А номер дома? – уточнил таксист.

– Без номера. Меня на перекрёстке надо высадить, я покажу.

Через полчаса она уже стояла почти в самом начале нужной улицы, издали наблюдая за тем, что происходит на дороге и тротуарах. Время приближалось к десяти, и в частном секторе уже было довольно-таки тихо. В этой части города ночь всегда начиналась раньше, потому

что здесь не было больших торговых центров, клубов, кинотеатров и прочих мест, куда по вечерам стекается много народа. Большая деревня в городской черте – иначе и не скажешь. Лишь изредка мимо девушки, спрятавшейся за старой ивой, проходили припозднившиеся с работы прохожие. Один раз проехала машина и высветила фарами влюблённую парочку на противоположной стороне улицы. Тихое и очень удобное местечко для сумасбродств вроде того, которое задумала Юля.

Она дождалась, когда часы на экране телефона покажут 23:00 – чтобы наверняка. К тому времени свет в большинстве домов уже давно погас, и только в самом большом двухэтажном коттедже ярко сияли все окна и громко играла музыка. Сердце гулко колотилось о рёбра, а ноги отказывались повиноваться, но Юля заставила себя пойти в сторону Сашиного дома. «Все преступники – адреналинщики. Никогда больше не буду так делать. Хорошо ещё, что у них во дворе собаки нет», – думала она, медленно, но верно приближаясь к сгоревшим развалинам, где не так давно погибла предыдущая невеста её бывшего жениха. Саша жил почти напротив, и оставалось только перейти дорогу по тёмному пятну, где не горел один из фонарей.

Калитка оказалась запертой, чего и следовало ожидать. Забор – частый штакетник высотой в полтора метра, но перед самым домом имелся палисадник, где ограждение было немного ниже. Лезть в чужой двор прямо под окнами? Но если уж на колдовство решилась, то вторжение в чужие владения – это вообще ерунда. Стараясь держаться поближе к углу дома, Юля осторожно перелезла через забор там, где он был пониже, пригнулась, прокралась через палисадник во двор, потом к крыльцу. Отвинтила крышку на бутылке с заговорённой водой и вылила содержимое на коврик возле нижней ступеньки.

В доме что-то разбилось. Послышались взволнованные голоса – женский и мужской. Кажется, Светлана Борисовна звала Сашу и о чём-то просила мужа, который говорил в ответ что-то неразборчивое. Самым правильным было уйти, но Юле стало интересно, почему все вдруг переполошились – сработало что ли её колдовство криворукое? Или просто совпадение? Она ведь за тем сюда и шла, чтобы убедиться, что ничего из этой затеи не выйдет. По другую сторону дома был разбит небольшой сад, на который выходили окна спальни – туда девушка и направилась. Притаилась в темноте, прислушалась... Кажется, голоса стихли. Тогда Юля осторожно заглянула в окно и сразу же отшатнулась, встретившись лицом к лицу со своей несостоявшейся свекровью.

– Ты?! – взвизгнула Светлана Борисовна и ринулась к двери, ведущей из спальни в гостиную.

Юля тоже побежала – в глубину сада в надежде, что там, как и у всех нормальных людей, разбит огород, огороженный сеткой-рабицей, через которую удрать проще.

– Дрянь! А ну стой! – раздалось за спиной совсем близко, и в затылок больно ударило что-то тяжёлое.

Девушка упала лицом вниз на траву, но рывок невероятной силы сразу же перевернул её на спину, а на горле сомкнулись руки разъярённой женщины. Светлана Борисовна выкрикивала проклятия и всё сильнее сжимала пальцы, а Юля пыталась оттолкнуть её от себя и сделать хотя бы один вдох. В глазах потемнело. В ушах начал медленно нарастать неприятный шум, и девушка поняла, что вырваться не успеет.

– И на том свете тебе тоже покоя не будет, попомни моё слово... – это были последние слова, которые она смогла различить, а потом наступило ничто.

* * *

«...Виноват...»

«...Не знал...»

«...Не мог...»

Слова бессмысленными обрывками плавали где-то на границе сознания, а голос, произносивший их, казался до боли знакомым. Юля попыталась прислушаться, но от этого сразу же разболелась голова. Открыть глаза тоже не получалось – веки налились свинцовой тяжестью и наотрез отказывались размыкаться. Но если больно – это уже хорошо. Жива, значит.

«...Юля...»

«...Люблю...»

Сашка! Юля снова попробовала сосредоточиться на его словах, но от этого стало только хуже – одновременно навалились дурнота и головокружение, от которых внутренности буквально выворачивало наизнанку. Она снова потеряла сознание, а когда очнулась, Сашки рядом уже не было.

– Мама? – просипела еле слышно, различив в мутной пелене родное лицо.

– Не разговаривай, тебе нельзя, – откуда-то издалека донёсся голос матери. – Я сейчас доктора позову.

Юля поймала её руку и прошептала:

– Саша...

Роза Антоновна осторожно освободила запястье от пальцев дочери и отвела взгляд.

– Саша в СИЗО.

– Почему?

– Он ждёт суда за убийство своей матери.

– Но...

– Юля, тебе нельзя разговаривать. У тебя трещина в черепе и чёрт знает что в мозгах. Ты почти неделю в сознание не приходила, а это не шутки. Лежи и молчи, а я схожу за доктором.

Роза Антоновна вышла из палаты, оставив дочь наедине с разбегающимися мыслями. Саша в тюрьме. Он убил свою мать. Его будут судить... Да уж, при таком раскладе им точно не видать общих детей, как своих ушей. «А ты в магазине когда хлеб покупаешь, тоже у продавца спрашиваешь, из чего цена складывается? Колдовство всегда так устроено, что от чего-то отказаться надо, чтобы что-то получить...» – неожиданно всплыли в памяти слова Зинаиды Трофимовны, и Юля почувствовала, как по щекам заструились слёзы.

Цена... Кто же мог знать, что эта цена будет из стольких потерь сложена? Какие общие дети, если теперь даже о совместном будущем речи быть не может? Сашка не простит ей гибель Светланы Борисовны, а несколько лет колонии вряд ли улучшат его отношение к бывшей невесте. Да, защита от влияния матери ему теперь точно гарантирована, но... Почему именно так? Ведь это не магия никакая, а дурацкое стечение обстоятельств. Можно было и без заговорённой воды обойтись с тем же результатом – просто залезть во двор и заглянуть в окно.

«Нет никакого колдовства. Есть глупость, непредусмотрительность и безрассудство», – пришла к окончательному выводу Юля. И сразу же подумала: «Но если колдовства нет, то как я могла слышать голос Сашки, который сейчас в СИЗО? Слуховые галлюцинации? Или всё-таки что-то магическое в этом мире существует?»

Глава 3

– Скоро меня отсюда выпустят? – Саша сердито уставился на адвоката, который, судя по поведению, в виновности своего подзащитного не сомневался ни минуты.

– Боюсь, что нет, – поморщился в ответ правозащитник. – Раньше у следствия были только ваши отпечатки на орудии преступления, а теперь есть ещё и мотив.

– Я её не убивал, – сдвинул брови молодой человек.

– В вашей ситуации отрицание вины только всё усугубит, Александр Петрович. Я советую вам сделать чистосердечное признание, пока это ещё имеет какой-то смысл. Да, состояние Юлии Павловны не позволяет считать её показания достоверными, но следователь вам попался дотошный. Он ведь всё проверит.

– А Юля-то здесь при чём? – ещё сильнее нахмурился Саша.

– Ваша бывшая девушка полагает, что конфликт между ней и вашей матерью мог стать причиной трагедии, – пояснил адвокат. – Только вы почему-то об этом конфликте в своих показаниях не упомянули, хотя мотив для убийства проистекает именно из него.

– Да какой конфликт? – Саша нервно потёр переносицу. – Они видели друг друга один раз всего, когда я их познакомить пытался. Мама повела себя по-свински тогда, Юля расстроилась. Всё, больше они не общались.

– А Юлия Павловна утверждает, что Светлана Борисовна угрожала ей по телефону, – поделился информацией юрист. – Вы об этом ничего не знаете?

– Нет.

– И что Светлана Борисовна пыталась задушить вашу бывшую невесту, вы тоже не в курсе?

– Бред какой-то, – Саша откинулся на спинку стула и запустил пальцы в волосы. – Я всё рассказал следователю и вам.

– Да-да, я помню, – устало вздохнул адвокат. – Вы вернулись с работы, нож нашли на крыльце, мать обнаружили на полу в доме... Александр Петрович, если вы и дальше намерены скрывать от меня важные факты, можете просто отказаться от моих услуг.

– Да ничего я не скрываю! – разозлился молодой человек. – Я не убивал мать! И понятия не имею, какое отношение моя невеста имеет к её смерти!

– Бывшая невеста, – уточнил защитник. – Хорошо, давайте тогда попробуем по-другому... вспомните, пожалуйста, где вы были девятнадцатого октября за час до полуночи.

– Дома я был, – проворчал Саша. – Кино смотрел. Какая разница, что я делал вечером девятнадцатого, если маму убили двадцать первого?

– Со слов Юлии Павловны, вечером девятнадцатого октября она пробралась во двор дома ваших родителей. Заглянула в окно. Светлана Борисовна её увидела и выбежала на улицу. Бросила в Юлю камнем, а потом начала душить.

– Нет, это ерунда какая-то, – замотал головой Александр. – Я тогда кофе себе пошёл наливать и случайно чайник уронил. Голова закружилась. Мама...

– Что? – сощурился адвокат, заметив сомнение на лице своего подзащитного.

– Мама тогда действительно выходила во двор, – поделился с ним Саша своими воспоминаниями. – Не знаю, зачем. Я не могу сказать, сколько времени её не было, потому что снова сел за компьютер, но около полуночи она уже спала. Это точно, я дверь в их с отцом комнату закрывал. Надоело сидеть в наушниках, хотелось звук нормально включить.

– И о визите Юлии Павловны она после этого ничего вам не говорила? – недоверчиво уточнил юрист.

– Нет, – подтвердил Саша. – Юля теперь тоже подозреваемая, как и я?

– Юлю привезли в больницу в половине первого ночи двадцатого числа, она вне подозрений, – вздохнул адвокат. – И у неё серьёзная черепно-мозговая травма. Лечащий врач говорит, что возможны спутанность сознания, провалы в памяти, галлюцинации, поэтому её показания и нельзя считать достоверными. К тому же, её нашли в парке в двух километрах от вашего дома, а с такой травмой она сама бы туда не добралась. Либо кто-то зачем-то её туда перевёз, либо это ложные воспоминания, но следователь всё равно проверит эту версию, вы же понимаете. Это явный мотив. Даже если вы не видели свою бывшую невесту в тот вечер, мать могла позже рассказать вам о драке. Вы вспыхнули, схватились за нож...

– Я её не убивал, – уже в который раз повторил Саша.

– Поверьте, мне очень хотелось бы, чтобы это было правдой, – сочувственно посмотрел на него юрист. – Я не говорил с Юлей, меня к ней не пустили, но мать девушки утверждает, что дочь жаловалась ей на Светлану Борисовну. Александр Петрович, я советую вам хорошенько вспомнить детали вечера девятнадцатого октября, потому что следствие теперь будет отталкиваться от этой информации. Подумайте, пожалуйста. Может, что-то всплывёт.

– Хорошо, я попытаюсь, – хмуро кивнул молодой человек.

Вернувшись в камеру, Саша сел на пол у стены, уронил голову на руки и глубоко задумался о том, есть ли у него хоть один шанс выйти из СИЗО не в зал суда, а на свободу. Он превосходно помнил события позднего вечера девятнадцатого октября и мог рассказать всё адвокату с поминутными деталями, но этими откровениями наверняка подписал бы себе приговор. Или Юле.

В тот вечер всё начиналось именно так, как он и сказал – сидел за компьютером в наушниках, смотрел фильм. Потом пошёл налить себе кофе и сделать будерброды. Уронил чайник, потому что неожиданно закружилась голова. В кухню прибежала взволнованная мать и начала суесться. От шума проснулся отец. Вдвоём родители довели Сашу до его комнаты и уложили на кровать, после чего отец посоветовал пить поменьше кофе и снова ушёл в спальню. А мать села на постель рядом с сыном и долго смотрела на него неприятным взглядом. Она явно была напугана и расстроена, но точно не состоянием Саши, поскольку не пыталась, по своему обыкновению, измерить ему давление и влить в рот какой-нибудь из своих гадких отваров. Мать вообще в тот момент выглядела как-то странно. «Я убью того, кто это сделал», – сказала она тогда с мрачным выражением лица. Саше уже стало лучше, и он спросил, о чём она говорит, но ответа не услышал – Светлана Борисовна вдруг нахмурилась, подошла к окну, вскрикнула и выбежала из дома на улицу. Потом кто-то громко постучал в окно. Парень встал с кровати, выглянул, но там никого не было. Тогда он тоже вышел во двор. Мать действительно душила в саду Юлю и выкрикивала при этом жуткие угрозы. Саше пришлось приложить немалые усилия, чтобы оттащить её от девушки, которая уже была без сознания. Он убедился, что Юля жива, и увёл Светлану Борисовну в дом, поскольку она рвалась завершить начатое. Позвал отца. Вместе они заперли взбесившуюся женщину в кладовой, после чего Саша вернулся в сад. Он хотел перенести Юлю в помещение и осмотреть, чтобы решить, нужно вызывать «скорую», или можно обойтись без этого, но его бывшей невесты в саду уже не было. И на дороге её тоже не было. Он подумал, что она сама убежала, но утром обнаружил на влажной земле в саду следы мужских ботинок большого размера – ни у него, ни у отца обуви с таким рисунком подошвы не было.

Он ждал, что Юля заявит на Светлану Борисовну в полицию. Размышлял, хватит ли ей совести сделать это – она ведь тоже нарушила закон, забравшись во двор чужого дома. Мать была не в себе – к утру стала тихой, как мышка, и смотрела на мужчин затравленно, словно боялась их. Саша с отцом договорились, что о случившемся ничего полиции не расскажут, но соседи могли слышать возню в саду, поэтому было принято совместное решение сказать, что Светлана Борисовна действительно выходила во двор, но неизвестно, с какой целью.

А ещё он много думал о том, почему тот, кто стучал в окно и потом помог Юле уйти, сам ничего не сделал для её спасения. Почему не вмешался? Почему не разнял женщин, а ждал, когда кто-нибудь решит эту проблему без его участия? Кто это мог быть?

Весь следующий день Саша провёл дома. Отпросился с работы и следил за матерью, которая вела себя не совсем адекватно – не суежилась по дому, не ворчала... Она вообще ничего не делала. До вечера просидела в кресле у окна своей спальни, глядя в пустоту и вздрагивая при каждом шорохе. Следующая ночь прошла спокойно, и утром всё вернулось на свои места – мать встала раньше всех, приготовила мужчинам завтрак, собрала отцу что-то на обед, выгладила Сашины брюки, затеяла стирку. Обычное утро обычного дня. А вечером Саша нашёл её мёртвой.

Оперативники осмотрели не только дом и двор, но и сад тоже, только искать там было уже нечего – всю предыдущую ночь шёл сильный дождь, и следы на земле размыло. Саша вину свою отрицал. У отца железное алиби – он с работы не отлучался, это все сотрудники цеха подтвердили. Можно было рассказать о драке матери с Юлей и о том, что тогда в саду был кто-то ещё – наверняка именно этот человек и был убийцей. Но тогда и у Юли начались бы проблемы, а Саша этого не хотел. Возможно, мать погибла по её вине, но ведь могло быть и так, что Юля не имела к этому никакого отношения. Светлана Борисовна со своим пристрастием ко всему магическому была мастером по наживанию себе врагов, и тот человек в саду вполне мог иметь на неё свой собственный зуб. Просто выходка Юли неожиданно совпала с его планами на тот вечер, и всё получилось именно так.

Плюнуть на всё и рассказать следователю правду, чтобы попытаться оправдать себя? А смысл? Где гарантия, что эти неожиданные откровения не сочтут попыткой пустить следствие по ложному пути? Никто, кроме Саши, не видел следов в саду. Отец не слышал стук в окно. Версию, конечно же, проверят, но тогда начнут дёргать Юльку, а ей и так уже досталось. Саша не знал, что мать её по голове ударила. Он думал, что Юля отключилась из-за того, что Светлана Борисовна её задушить пыталась. А если камень бросила не мать, а тот неизвестный?

От этого всего у молодого человека голова шла кругом. Как ни крути – всё плохо. В одном Саша был уверен на сто процентов – он дурак. Бросил Юльку за несколько дней до свадьбы, хотя до сих пор любил её. Наверное, потому и искал для неё оправдания. Все эти последние месяцы... Это было какое-то помутнение. Это был не он. Сам не мог понять, почему разрушил своё счастье собственными руками. Всё ведь было хорошо, а потом в голове словно что-то щёлкнуло, и начало казаться, что никакой любви между ними нет. И мать ещё регулярно пела в уши, что Юлька – ведьма. «Я как глянула на неё, так сразу всё и поняла. Потому и прогнала её из нашего дома, что ведьма она. Приворожила тебя эта гадина, сынок. Вот когда у тебя глаза-то на правду откроются, тогда поймёшь, что она за птица. Не губи себя, брось её», – уговаривала Светлана Борисовна сына. Глупость, конечно. Ну какая Юлька ведьма с её-то детскими страхами? Да она к колдовству в жизни не прикоснулась бы никогда. Но отношение к ней у Саши всё равно стало меняться. Даже не заметил, когда начал истину в словах матери искать.

Приворожила... Это ж каким идиотом нужно было быть, чтобы поверить в подобное? Но Саша поверил. Всю свою сознательную жизнь смеялся над маминой тягой к колдовству, а тут вдруг решил, что ничего смешного в этом нет. Расстался с любимой женщиной из-за этих нелепых подозрений. Почему? Да чёрт его знает. Переклинило. Настолько, что видеть Юльку не мог, не говоря уже о том, чтобы рядом с ней находиться. А после смерти матери словно пелена с глаз упала, но поздно – уже не исправишь ничего. Да и обстоятельства как-то не располагали к решению амурных проблем.

Саша не верил, что Юля может иметь какое-то отношение к убийству его матери, но и полностью отрицать этого тоже не мог. Кем ей приходился тот неизвестный в саду? Никем? Или кем-то? Правильнее всего было бы выложить всё следователю, и пусть над этой загадкой ломают голову те, кому это положено по долгу службы, но... А если Юля и правда виновата?

Она же дала показания. Даже если её слова нельзя пришить к делу, она сказала эти слова. Значит, чувствует за собой вину. Юлька честная до безобразия – даже если ей самой срок грозит, она врать и отводить от себя подозрения не станет. Всегда такой была.

«Пусть проверяют её версию, а я буду стоять на своей», – решил наконец-то Саша. В конце концов, презумпцию невиновности ещё никто не отменял. Свои отпечатки на ноже он объяснил, а мотив следователь притянул за уши, вот пусть сам теперь доказательства и ищет. Посадят – значит, судьба такая, и справедливости не существует. А если Юля пойдёт под суд... За её судьбу, увы, Александр поручиться не мог, хотя ему очень хотелось, чтобы Юля к смерти его матери не имела никакого отношения.

* * *

Горло болело уже не так сильно, но Юлю больше беспокоило постоянное ощущение, что оно чем-то сдавлено. Лечащий врач сказал, что это психологическое. Назначил дополнительную консультацию психоневролога, хотя девушка предпочла бы, чтобы доктора вообще оставили её в покое.

– Когда вы меня выпишете? – спросила на очередном обходе после того, как врач сообщил, что она уверенно идёт на поправку.

– Ух, шустрая какая! – удивлённо вскинул брови доктор. – Я вам ещё даже вставать не разрешил, а вы уже домой собрались. Травмы вроде вашей, Юленька, часто дают осложнения, поэтому извините, но вы останетесь здесь до тех пор, пока я не буду полностью уверен, что опасность миновала. Я к вам до сих пор следователя не пускаю, хотя у меня от его звонков телефон уже перегреваться начал, а вы о выписке спрашиваете.

– Следователя? – нахмурилась Юля, но сразу же расслабила мышцы лица, потому что любое лишнее движение отзывалось тупой головной болью. – Почему вы его не пускаете? Мне ведь уже лучше, и я могу внятно отвечать на вопросы.

– Лучше-то, конечно, лучше, – согласился врач, – но я не уверен, что все ваши слова сейчас соответствуют действительности. У вас до сих пор наблюдаются слуховые галлюцинации, и есть серьёзные расхождения в информации о событиях того вечера, когда на вас напали. С вашим умственным здоровьем, милая моя, не всё так хорошо, как всем нам хотелось бы.

– Какие расхождения? – не поняла Юля, проигнорировав замечание о галлюцинациях, поскольку они действительно имели место.

Доктор посмотрел на часы и вздохнул.

– Я бы с удовольствием всё вам объяснил, но меня ждут другие пациенты, поэтому вынужден откланяться. Ваша мама общалась со следователем, поэтому спросите у неё, хорошо? И постарайтесь поменьше волноваться, это не идёт вам на пользу.

Роза Антоновна ухаживала за днём с той самой ночи, как Юля попала в больницу. Из палаты выходила только тогда, когда приходил ещё кто-нибудь – доктор на обход, медсестра на процедуры или Юлин отец, который проводывал дочь каждый вечер. Матери пришлось брать отпуск за свой счёт, и Юле было очень стыдно за свой глупый поступок, от последствий которого страдать пришлось не только ей.

В этот раз Роза Антоновна дождалась обхода и сразу же убежала в буфет на первом этаже, чтобы наскоро перекусить. Когда врач вышел из палаты, она уже быстро шла обратно, чтобы Юля не оставалась без присмотра.

– Роза Антоновна, задержитесь на минуточку, – попросил её доктор.

– Что-то случилось? Юле хуже? – сразу же заволновалась женщина.

– Физически состояние вашей дочери стабильно, но вот морально...

– Что с ней? – побелела Роза Антоновна.

– Пока ничего, но у нас начнутся серьёзные проблемы, когда я буду вынужден разрешить посещения сотрудникам правоохранительных органов. Нельзя держать дочь в неведении,

понимаете? Ей всё равно придётся давать показания, поэтому лучше поговорите с ней об этом сейчас. Я не имею права вмешиваться в то, что не касается моих непосредственных обязанностей, но смею предположить, что Юля очень сильно расстроится, когда узнает, что вы от неё что-то скрывали. Сильные эмоции в её состоянии ни к чему хорошему не приведут.

– А сейчас это будут не сильные эмоции? – попыталась возразить женщина.

– Сейчас вы пока ещё можете смягчить их, а если этого не сделать, то потом будет стресс от допроса, на который дополнительно наложатся эмоции в ваш адрес. Я бы на вашем месте подготовил дочь к тому, что ей предстоит услышать и узнать. Так будет лучше и для неё, и для вас.

– Хорошо, я поняла, – кивнула Роза Антоновна, хотя ей очень не хотелось говорить с Юлей на неприятную для всех тему.

Юля её ждала. Лежала со спокойным выражением лица, но смотрела на мать так выразительно, что было понятно – доктор уже успел что-то сказать, и избежать разговора не получится.

– Мам, о чём ты говорила со следователем? – подтвердила Юля догадку матери.

Роза Антоновна вздохнула, поставила на тумбочку бутылку с минеральной водой и присела на стул рядом с кроватью дочери.

– Я всё тебе расскажу, если пообещаешь не волноваться.

– Как я могу это обещать, если уже нервничаю? – отозвалась Юля. – Он из-за Саши приходил, да?

– Они, – уточнила Роза Антоновна. – Я общалась с двумя следователями и Сашиным адвокатом.

– Почему с двумя?

– Потому что никто не знал, что ты в тот вечер ездила на Садовую, пока ты сама мне об этом не рассказала. Тебя нашли в парке на Солнечной.

– В парке? – Юля непонимающе посмотрела на мать. – Как я туда попала?

– Не знаю, – покачала головой женщина.

– А почему ты мне раньше об этом не говорила?

– Не хотела тебя ещё сильнее расстраивать, – призналась Роза Антоновна. – Я и так тогда, не подумав, ляпнула про то, что Сашу арестовали. До сих пор себя за это ругаю. В полиции было два разных дела, дочка. Одно по нападению на тебя, а другое... Я же не могла знать, что эти два случая взаимосвязаны.

– Мам, расскажи подробно, что и кому ты говорила, – попросила Юля, подозревая, что мать, действуя из добрых побуждений, могла серьёзно всё усложнить.

– Хорошо, – обречённо опустила плечи Роза Антоновна. – Сначала сюда в больницу приехал следователь по твоему делу. Я рассказала ему, что ты вечером ушла гулять, а потом мне позвонили и сообщили, что ты здесь. Он спрашивал, были ли у тебя враги. А какие враги, если ты никогда ничего плохого никому не делала? Отца тоже спрашивали... А через несколько дней пришёл другой следователь.

– Почему через несколько дней?

– Потому что мать Саши погибла через два дня после того, как тебя душила, и это было другое уголовное дело, – поджала губы Роза Антоновна.

– Через два дня? – Юля зажмурилась и болезненно поморщилась. – Мам, ты не говорила, что это было через два дня. Я думала, что он в тот же вечер её... Что он из-за меня это сделал, чтобы меня спасти. Это он перевёз меня в парк?

– Может быть, – пожала плечами Роза Антоновна. – Насколько я поняла, Саша вообще не сказал полиции о том, что ты была у них дома.

– А ты сказала?

– А надо было молчать? – удивилась женщина.

– Нет, – вздохнула Юля, чувствуя, что вот-вот заплачет. – В любом случае я виновата...

– В чём ты виновата? – перебила её Роза Антоновна. – В том, что он об тебя ноги вытер перед самой свадьбой? В том, что его мамаша была на голову больная? Или в том, что он не способен контролировать себя?

– Если бы я туда не поехала, ничего этого не случилось бы, – пояснила девушка и сморгнула слёзы.

– Юля, тебя никто ни в чём не обвиняет, – попыталась успокоить её мать. – И о том, что ты была там, следователь знает только с моих слов. А я это от тебя узнала.

– И что? – горько усмехнулась девушка. – Хочешь сказать, что всё можно свалить на галлюцинации? Я не буду этого делать, мам. Из-за меня человека убили!

Последнюю фразу Юля практически выкрикнула, в результате чего тупая боль в голове сразу же переросла в нестерпимую. Девушка зажмурилась, побледнела и застонала, а Розе Антоновне пришлось вызывать медсестру, чтобы снять приступ. Снова пришёл лечащий врач – сердито посмотрел на расстроенную мать, дал какие-то указания медсестре, а Юлю попросил побереечь свою нервную систему, потому что она ей ещё пригодится.

– Спи, дочка, – сквозь слёзы прошептала Роза Антоновна, когда Юля под действием лекарств наконец-то расслабилась и начала проваливаться в сон. – Спи. Никто тебя больше не обидит. Мы что-нибудь придумаем.

– Не надо ничего придумывать, мам, – пробормотала девушка, не открывая глаз. – Лучше попроси, чтобы ко мне пустили следователя. Я хочу... Хочу знать. Лучше знать, чем вот так.

Глава 4

«...Не знаю...»

«...Мама никогда...»

«...Если это ты...»

Сон был тяжёлым и беспокойным. Без сновидений, зато с обрывками фраз, смысл которых продолжал ускользать от Юли с тех самых пор, как она пришла в себя в больничной палате две недели назад. Она слышала Сашин голос почти каждый раз перед пробуждением. Почти каждый день. Хуже всего было то, что эмоциональный тон этих обрывков менялся не в лучшую сторону – сначала в голосе бывшего жениха звучали любовь и сожаление, потом сомнение, а теперь девушка слышала в нём осуждение.

Лечащий врач Юли знал об этих снах – она не скрывала от него проблему, поскольку связывала её с травмой. Доктор называл это проекцией на подсознание её собственных переживаний и советовал поменьше думать о Саше, о случившемся и в принципе о том, что могло расстроить его пациентку. Но разве можно было не думать об этом?

Через два дня после разговора с матерью к Юле наконец-то пустили следователя, который вёл Сашино дело. Она рассказала ему всё, не утаив даже то, с какой именно целью забралась вечером девятнадцатого октября во двор Сашиного дома.

– Серьёзно? – скептически приподнял бровь следователь в ответ на её откровения.

– Я должна была убедиться, что это всё неправда, – виновато потупила взгляд девушка.

– Убедились?

– Нет.

– Юлия Павловна, вы хотя бы понимаете, что этой глупостью спровоцировали конфликт сына с матерью и последующую трагедию?

– Понимаю, – тихо прошептала Юля.

– Очень хорошо, что вы это понимаете, – сердито проворчал следователь. – А теперь постарайтесь, пожалуйста, вспомнить, каким образом вы попали с улицы Садовой на Солнечную.

– Я не помню. Я потеряла сознание, когда Сашина мама...

– Это я уже слышал, – перебил её мужчина. – Отказываясь отвечать на этот вопрос, вы запутываете следствие, Юлия Павловна.

– Я не отказываюсь. Я правда не помню.

– Очень плохо, что не помните, – напирал следователь. – Насколько мне известно, вы ещё не успели дать показания по делу о нападении на вас, но мой коллега обязательно задаст вам тот же самый вопрос. Есть подозрение, что ваши обвинения в адрес гражданки Щуповой могут быть беспочвенными. Вы с какой-то целью поехали в парк, там случайно подверглись нападению, а потом из чувства личной неприязни решили обвинить во всём человека, который поспособствовал разрыву ваших с женихом отношений. Если это действительно так, то благодаря вашим ложным показаниям дело будет прекращено в связи со смертью обвиняемого, а настоящий преступник останется на свободе. В то же время в деле об убийстве гражданки Щуповой такие показания формируют доказательную базу против вашего бывшего жениха. Если таким способом вы хотите отомстить ему за обиду...

– Вы в своём уме? – изумилась Юля, чувствуя, что у неё снова начинается головная боль. – Какая месть?

– Самая банальная из всех возможных, – пожал плечами следователь. – Один обидчик мёртв, другой за решёткой. Даже если подобное в ваши планы не входило, это очень удобное для мести стечение обстоятельств. Но я не хочу ломать жизнь невинному человеку,

Юлия Павловна. Мне нужны факты, чтобы доказать или опровергнуть виновность Александра Щупова.

– То есть вы не уверены, что это он убил Светлану Борисовну? – сощурилась девушка.

– Моё личное мнение не имеет никакого значения. У меня есть отпечатки вашего бывшего жениха на орудии преступления и ваши слова о том, что за два дня до убийства гражданки Щуповой эта самая гражданка во дворе дома, где проживал также и мой подследственный, причинила вам тяжкие телесные повреждения. Для обвинительного приговора этого будет достаточно.

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите, – нахмурилась Юля.

– Я хочу услышать правду, – следователь посмотрел на неё так пристально, словно пытался этим взглядом пробраться в самую глубину души.

– Мне больше нечего вам сказать, – съёжилась под этим взглядом девушка.

Следователь ушёл, а у Юли после этого состоялся неприятный разговор с матерью о том, что обещанная когда-то Зинаидой Трофимовной защита «не только от колдовства, но и от всех бед и напастей» почему-то не работает. Точнее, Юля ляпнула это в сердцах, с горькой усмешкой, а Роза Антоновна в ответ разразилась целой теорией относительно того, почему оберег мог сломаться. Глупый и бессмысленный спор, в результате которого каждый остался при своём мнении, а девушке пришлось снова купировать приступ головной боли.

Вечером того же дня пришёл второй следователь, но лечащий врач заявил ему, что после первого допроса состояние пациентки ухудшилось, и предложил перенести визит на более подходящее время. Но следующим утром Юле всё равно пришлось отвечать на вопросы. К счастью или нет, но в этот раз обошлось без подозрений в ложных показаниях – кажется, этот следователь был даже рад побыстрее закрыть дело. После всего этого Юля морально чувствовала себя настолько отвратительного, что общаться ещё и с Сашиним адвокатом наотрез отказалась. А адвокат намекнул её матери, что версию о причастности Юли к убийству тоже будут рассматривать – у неё ведь мог быть поделник, который и перевёз девушку в парк, а спустя два дня совершил то, в чём теперь обвиняли Александра. Роза Антоновна не стала скрывать его слова от дочери – доктор ведь сказал, что Юля имеет право подготовиться к дальнейшим сложностям окружающей её действительности.

И сны... Наверное, они и правда стали отражением её переживаний, потому что другого объяснения этому не было. Первое время Юля после таких видений просыпалась взволнованной, но в последнее время чувство вины начало потихоньку подталкивать её в направлении депрессии. Она просыпалась, открывала глаза и просто смотрела в потолок, чувствуя, как по щекам медленно скатываются слёзы. Роза Антоновна волновалась за дочь. Лечащий врач ворчал, что такими темпами о выписке речь зайдёт ещё не скоро. Это продолжалось до тех пор, пока однажды вечером, проснувшись, Юля не обнаружила на стуле возле своей постели вместо матери незнакомого мужчину.

На вид ему было лет тридцать пять – сорок, не больше. Худой, скуластый. Холёный. Небрежная поза, тёмно-синий костюм модного покроя, белоснежный ворот рубашки, серо-чёрный галстук в косую полоску, мягкие пряди слегка выющихся, аккуратно подстриженных каштановых волос, внимательный взгляд карих глаз...

– Вы кто? – насторожилась Юля, натянув одеяло до подбородка.

– Меня зовут Андрей, – представился мужчина.

– Кто вас сюда впустил?

– Я сам пришёл.

– Зачем?

– Чтобы ты перестала загонять себя в угол, из которого потом не сможешь выбраться.

– Вы психиатр? – немного расслабилась девушка, но сразу же снова напряглась, услышав ответ.

– Нет.

Юля молча уставилась на посетителя, ожидая, когда он соизволит объясниться, но мужчина тоже молчал. Смотрел на неё и молчал. От его пристального взгляда девушке стало ещё больше не по себе. Она хмуро сдвинула брови и попросила:

– Уйдите, пожалуйста.

Правая бровь незнакомца взметнулась вверх, сделав тонкие черты его гладко выбритого лица ещё более неприятными.

– На твоём месте я бы не стал так бездумно разбрасываться знакомствами, которые могут оказаться полезными, – заметил он, но всё же встал со стула. – Менты тебя больше не побеспокоят, я всё уладил. А если не хочешь слышать голоса во сне, просто поменьше думай о том, кого слышишь. Ты сама поддерживаешь эту связь, и в твоей власти от неё избавиться. Если, конечно, тебе это нужно.

Юля потянулась к кнопке вызова медсестры, а мужчина едва заметно улыбнулся одними только уголками губ и вышел из её палаты, куда сразу же вернулась Роза Антоновна.

– Мам, это кто был? Зачем ты его сюдапустила? – накинулась на неё дочь.

– Где? – непонимающе нахмурилась женщина. – Кого япустила?

– Мужчину, который только что вышел из палаты! – нервно пояснила Юля.

Роза Антоновна посмотрела на неё долгим взглядом, а потом подошла к кровати и нажала кнопку вызова медперсонала.

– Этого только нам не хватало, – пробормотала она, заглядывая дочери в глаза.

– Чего не хватало? – не поняла Юля, но ответ Роза Антоновна адресовала не ей, а прибежавшей на вызов медсестре.

– Девушка, позовите, пожалуйста, дежурного врача. У моей дочери, кажется, начались галлюцинации.

– Какие галлюцинации, мам?! – возмутилась Юля. – Он был здесь!

– Кто был? – сочувствующе уточнила медсестра. – Юленька, у нас часы посещений уже давно закончились, и дверь в отделение закрыта. Пост в двух шагах от этой палаты. Я никуда не отлучалась. К тебе никто не приходил.

– Да вы издеваетесь что ли?!

Накатил паника. Началась истерика. Пришёл дежурный врач и недовольно сообщил расстроенной Розе Антоновне, что с такими приступами её дочь должна лежать не в неврологии, а в психдиспансере. После убойной дозы успокоительных Юля отключилась до самого утра и не слышала, как мать звонила не пришедшему в тот вечер отцу. Роза Антоновна долго плакала в трубку, а Павел Петрович молчал в ответ, потому что за прошедшие три недели полностью исчерпал запас оптимизма и ободряющих слов.

* * *

Утро для Саши началось с визита следователя, который выложил на стол несколько фотографий и спросил, знаком ли подсудимый с изображённым на снимках человеком.

– Нет, – уверенно покачал головой молодой человек, разглядывая крупный квадратный подбородок незнакомца. – Такую челюсть я бы точно запомнил.

– А фамилия Рысков вам о чём-нибудь говорит? – прозвучал следующий вопрос.

– Рысков? – Саша задумчиво сдвинул брови над переносицей. – На нашей улице жили Рысковы, они летом в пожаре погибли. Мать и дочь.

– Только мать и дочь? – уточнил следователь. – А отец?

– Олеся говорила, что её отец умер, когда она ещё совсем маленькой была, – вспомнил Саша. – А почему вы об этом спрашиваете?

– Потому что Эдуард Рысков не умер, как вы думали, а получил срок за убийство. Пятнадцать лет колонии строго режима. Потом ещё накинули за попытку сбежать. А за неделю до

пожара он вышел на свободу, – следователь тяжело вздохнул, убрал снимки в папку и вынул оттуда какой-то документ. – Суд изменил вам меру пресечения на подписку о невыезде, Александр Петрович.

– Это он... Маму...

– У него был мотив, – пожал плечами следователь. – С вас, молодой человек, подозрения тоже пока ещё не сняты. Оставайтесь в городе, будьте любезны. И я вас убедительно прошу не искать на свою голову лишних неприятностей. Рисков опасен. Не пытайтесь его искать, мы сами справимся.

Разглашать детали следователь, понятное дело, не собирался, поэтому Саша и не стал задавать ему вопросы, на которые всё равно не услышал бы ответов. Он расписался в документах и уже через час сидел в маршрутке, которая везла его в направлении дома. Помыться, переодеться и... Что делать дальше, Саша пока не решил. Наверное, нужно было позвонить на работу и узнать, не уволили ли его. Съездить на могилу матери. Поговорить с отцом. Можно было бы поехать в больницу к Юльке, но Саша не был уверен в том, что она захочет его видеть. Его к ней могут просто не пустить. И адвокат в последний свой визит недвусмысленно намекал на то, что Юля если не исполнитель, то ничто не мешает ей быть организатором – это тоже нельзя было сбрасывать со счетов. Любовь любовью, но там, где начинаются сомнения и недоверие, эта самая любовь очень быстро заканчивается. Молодой человек уже не был твёрдо уверен в своём желании бороться за то, от чего давно отказался. Он сомневался, поэтому и решил повременить с попытками встретиться со своей бывшей невестой.

Дома Саша застал отца. У Петра Васильевича был выходной, и он, по своему обыкновению, сидел перед телевизором в гостиной с бутылкой пива в руке.

– Привет, пап, – окликнул его молодой человек.

Пётр Васильевич медленно повернул голову и посмотрел на сына равнодушным взглядом.

– Тебя отпустили?

– Под подписку о невыезде, – кивнул Саша. – Ты как тут? Всё нормально?

– Нормальнее некуда, – бесцветным голосом сообщил мужчина и снова уставился в телевизор.

Он всегда был таким – лишнего слова не вытянешь. Саша пару минут молча смотрел на спину отца, а потом пошёл в свою комнату за чистой одеждой, отметив, что зеркала в доме не закрыты, как это принято делать после похорон. Если честно, то он и сам не больно-то вникал во все эти тонкости и традиции. Вот мама... Она точно знала, сколько дней зеркала должны быть закрытыми, какие молитвы нужно читать по усопшему, как правильно поминать. Самодельными амулетами и оберегами приторговывала, великой колдуньей себя считала, но в Бога и его промысел при этом глубоко веровала. «Жаль только, что не спасли тебя ни колдовство, ни святая вера», – грустно вздохнул Саша, глядя на большую фотографию в рамочке, висевшую на стене его спальни. Светлана Борисовна на этом фото была совсем молодой. Улыбалась...

– Пап, – вернулся Саша в гостиную. – Ты знал отца Олеси?

– М-м? – снова повернулся к нему отец.

– Ты Эдуарда Рыскова знал? – повторил свой вопрос молодой человек и пояснил: – Отца Олеси. Они напротив жили. В доме, который сгорел.

Не то, чтобы Пётр Васильевич был тугодумом, просто долго переключался с одной мысли на другую, и по этому поводу Светлана Борисовна при жизни любила говорить: «Петь, переключатель дожди. Надоело одно и то же по пять раз повторять». В этот раз, к счастью, хватило двух раз.

– Эдика? – взгляд Петра Васильевича приобрёл осознанное выражение. – Знал. А тебе зачем?

– Меня выпустили, потому что теперь его подозревают, – пояснил Саша. – Следак сказал, что у него мотив был. Ты не знаешь, о чём речь?

– Да чего там знать-то? – фыркнул отец, допил содержимое бутылки и поставил пустую тару на пол возле дивана. – Дальнобойщиком он был. Как в рейс уходил, так к Райке любовник – шасть! Они Леську мелкую к нам, с тобой играть, а сами в койку. Однажды Эдик их застукал в самый интимный момент. Сначала хахаля этого застукал насовсем, а потом на Райку попёр. Она – к нам. Голая, орёт... Светка её в домпустила, а у него перед носом калитку захлопнула и проклятиями несусветными угрожать начала, если не уйдёт. Проклянну, мол, всю твою родню до седьмого колена, порчу на смерть сделаю... Всё, как она любила, в общем. А потом на суде они с Райкой обе ещё и приврали хорошенько, чтобы Эдику побольше срок впаляли. Райка – со страху, что он зашибёт её, когда выйдет, а Светка за компанию.

– Бать, ты так о маме говоришь, как будто тебе всё равно, что её больше нет, – с горечью в голосе заметил Саша.

– Ей до меня живого дела не было, а я с какой стати должен о ней мёртвой переживать? – снова фыркнул Пётр Васильевич.

Саше такое отношение не нравилось, конечно, но и возразить на эти слова отца было нечего. У родителей были сложные отношения. Иногда Саше казалось, что Пётр Васильевич намеренно уходит в себя, чтобы спрятаться от неприглядной реальности. Мать его пилила нещадно. Могла сгоряча швырнуть чем-нибудь, а отец никогда даже голос на неё не повышал. Молчал. Терпел такую жизнь, будто повинность нёс.

– Бать, а если это я её убил?

Саша с трудом выдавил из себя этот вопрос, потому что даже мысли не мог допустить о подобном. Он любил мать. Уважал её целеустремлённость и независимость. Иногда не понимал её поступки, но если и осуждал, то делал это очень осторожно, чтобы не обидеть ни словом, ни делом.

– Я скорее поверю, что это деваха твоя её уколошила, – неприятно усмехнулся Пётр Васильевич и пояснил: – Ну та, последняя. Юля которая. У меня про неё спрашивали, кстати.

– И что ты сказал? – насторожился Саша.

– Всё, как и договаривались, – развеял его опасения отец. – Выпил рюмочку после работы, лёг спать, ничего не видел и не слышал.

– Спасибо, – хмуро отозвался молодой человек.

– Да не за что, – отозвался Пётр Васильевич. – Мойся иди, потом обедать будем. Я пироги печь не мастер, но пельмени варить пока ещё не разучился.

Саша повернулся, чтобы уйти, и только тогда заметил, что оба книжных шкафа в гостиной пусты.

– Я всё сжёг, – сообщил отец, проследив за его взглядом.

– А тебя не просили ничего не трогать до конца следствия? – разозлился молодой человек.

– Просили, – кивнул Пётр Васильевич. – Но Светка приходила по ночам и стояла там. Каждую ночь, пока я всё не сжёг.

– А пил ты много, когда она приходила? – зло сощурился Саша и, не дождавшись ответа, сердито проворчал: – Понятно.

Он взял в своей комнате чистую одежду и пошёл в душ. Стоял под горячими струями и думал о том, что после смерти матери всё стало не так. В доме чисто, но не так, как было при ней. Вещи лежат и стоят не на своих местах. Пахнет по-другому. Отец даже мыло купил другое, хотя в кладовой лежал приличный запас того, которое покупала она. Пётр Васильевич пытался вычеркнуть из своей жизни всё, что раньше было дорого и важно его жене. Он избавлялся от её присутствия в этом доме всеми возможными способами. Саша почему-то был уверен, что и в бельевом шкафу в родительской спальне не осталось вещей его матери.

Больно было осознавать, что люди могут поступать подобным образом. Больно и обидно. Да, Светлана Борисовна никогда не была подарком в блестящей обёртке, но она заботилась о своих близких. Если не было нормальной семьи, то зачем жили вместе все эти годы? Зачем терпели друг друга?

Насчёт Эдуарда Рыкова Саша решил так – пусть каждый занимается своим делом. Ему с работой надо вопрос решить, а за преступниками пусть бегают те, кому за это деньги платят. Вымылся, пообедал с отцом, узнал номер могилы матери и поехал на кладбище, потому что не мог находиться там, где её присутствие больше не ощущалось. По дороге купил цветы и две бутылки крепкого алкоголя. Напился до такой степени, что так и остался бы ночевать на подмёрзшей земле между могилами, если бы кладбищенский сторож не растормошил его и не вызвал такси. За доставку молодого человека домой с водителем расплачивался Пётр Васильевич, потому что Саша рухнул на диван в гостиной и сразу же громко захрапел.

Глава 5

Записи с камер видеонаблюдения просматривали в присутствии главврача, которому ситуация явно не нравилась – он хмурился, вздыхал и бросал недобрые взгляды на своих подчинённых, таращившихся на экран с открытыми ртами. На одной из записей было очень хорошо видно, как худощавый, прилично одетый мужчина выходит из лифта, с невозмутимым видом проходит мимо поста медицинской сестры и садится на кушетку возле двери палаты номер четыре – той самой, где лежала Юлия. Он сидел там почти два часа. Мимо него проходили врачи и медсёстры, пациенты отделения. Санитары провезли каталку с послеоперационным больным. Потом дежурная медсестра начала выпроваживать из палат посетителей и закрыла на замок дверь на лестницу. А мужчина продолжал сидеть на кушетке, словно до него никому не было дела. Дождался, когда из палаты выйдет Роза Антоновна, и сразу же вошёл внутрь. Мать пациентки, кажется, не обратила на незваного гостя никакого внимания. И когда вернулась, тоже его не заметила. Мужчина прошёл мимо дежурной медсестры к лифтам и покинул отделение.

– Ну и как вы это объясните? – поинтересовался главврач у дежурившей в ночную смену медсестры. – Вы временно ослепли и заодно оглохли? Уж лифт-то вы должны были слышать.

– Но я-то тоже его не видела, – вступилась за расстроенную девушку Роза Антоновна, которую тоже пригласили на просмотр этой записи. – Он же прямо у меня перед носом в сторону шагнул, чтобы дать мне пройти. Мистика какая-то...

Просмотр инициировал лечащий врач Юли. Ещё до обхода он получил информацию о вечернем приступе. Пообщался с пациенткой и её матерью, с тяжёлым сердцем принял решение о переводе девушки на попечение психиатров, но перед тем, как писать направление, решил убедиться в том, что незнакомец по имени Андрей действительно был галлюцинацией. Главврач отнёсся к просьбе доктора скептически, но посмотреть записи разрешил, и вот результат.

– Мистика? – главврач снял очки и уставился на Розу Антоновну. – Это халатность, а не мистика, уважаемая. Вас я ещё могу понять, вы уже не первую неделю на нервах из-за дочери, ну а остальные? Мало того, что посторонний в отделении в неположенное время, так ещё и пациентку до приступа довели.

Он бушевал ещё долго, пытаясь добиться от медсестры вразумительного ответа на вопрос, как она допустила случившееся. Медсестра плакала. Лечащий врач Юли задумчиво потирал подбородок. Роза Антоновна помалкивала, потому что чувствовала себя виноватой перед дочерью.

Отчитав медсестру и пообещав ей дисциплинарное взыскание, главврач переключил своё внимание на Юлиного доктора. Спросил о состоянии девушки, выслушал ответ, изучил записи в истории болезни, подумал немного и принял решение о переводе Юли на амбулаторное лечение.

– Дома ей будет лучше, – пояснил он расстроенной Розе Антоновне. – Состояние вашей дочери опасений уже не вызывает, а постельный режим она и в родных стенах может соблюдать. Рекомендации и назначения вы получите от Ивана Игнатьевича. Ему же и будете звонить в случае необходимости. А психиатру девочку всё-таки покажите. Настаивать не имею права, но чисто по-человечески советую.

* * *

Никто не знал об этом совпадении, но Юлия оказалась дома в тот же самый день, когда из СИЗО выпустили Сашу. Точнее, никто, кроме Андрея, который незаметно сопровождал такси от больницы до подъезда Юлиного дома, а потом поехал в следственный отдел давать показания.

– Это я перевёз Юлию Фролову с улицы Садовой в парк на Солнечной.

– Вы? – недоверчиво воззрился на него следователь. – Очень интересно. Хотелось бы подробностей.

– Я риелтор, – начал свой рассказ Андрей. – Днём девятнадцатого октября выезжал на Садовую, чтобы осмотреть участок, который клиенты после вступления в наследство продать хотят. Оставил там папку с документами – положил на какие-то доски во дворе, чтобы освободить руки, и забыл. Там строение сгорело, развалины, и просто так за дом не проберёшься, а мне нужно было полное представление об участке иметь и фотографии сделать. Вечером вернулся, чтобы забрать документы.

– В одиннадцать часов? – уточнил следователь. – Не поздновато?

– Меня на работе задержали. У нас сделка была, можете проверить.

– Обязательно проверим, продолжайте.

– Потом я увидел, как девушка лезет через забор дома напротив, – невозмутимо продолжил Андрей свой рассказ. – Не совсем напротив, но там рядом совсем. Я решил за ней проследить.

– С какой целью?

– Интересно стало, – пожал плечами мужчина. – Хозяева точно были дома, там в глубине свет горел в какой-то комнате. Я думал, что она в окно постучит, потому что звонка на калитке нет, а она пригнулась и под окнами во двор пошла. Хрупкая девчонка, я без труда бы с ней справился, если бы она что-то плохое замышляла, поэтому и не стал сразу в полицию звонить. Там забор-то – штакетник, и фонарь уличный на другой стороне дороги светил – всё и так было видно. Она просто что-то вылила из пластиковой бутылки возле крыльца. В доме ещё в одной комнате свет включился, суета какая-то началась. А девушка за дом пошла. Тогда я тоже перелез через палисадник во двор и пошёл за ней. На крыльцо хозяйка выскочила – в халате и босиком. Промчалась мимо меня вслед за Юлей...

– Откуда вы знаете, как зовут девушку? – перебил его следователь. – Вы знакомы?

– Нет, – покачал головой Андрей. – Я в больнице узнал уже после того, как её туда доставили. В тот вечер она была для меня просто незнакомкой, которая нашла на свою голову неприятности. Та женщина её в саду за домом задушить пыталась. Я пробовал вмешаться, но пришлось стучать в окно, чтобы кто-нибудь на помощь вышел. Женщина в ярости, в ней силы тогда немерено было. Она и меня по голове так хорошо чем-то приложила, что я отключился на пару минут. Когда очнулся, там только Юля была – на земле, без сознания. Я её забрал и уехал оттуда. А когда к парку подъезжали, у неё судороги начались. У меня самого круги перед глазами после удара плясали, я поэтому дальше и не поехал. Вызвал «скорую». Вынес девушку на свежий воздух, положил на газон и сел рядом. Подошли какие-то люди. Я сказал им, что помощь уже вызвал. Вернулся в машину воды попить, но там и вырубился. А очнулся только в три часа ночи, в парке уже не было никого.

– Вы знаете, что о таких травмах, как у Юлии Фроловой, медики обязаны сообщать в полицию? – осведомился следователь.

– Знаю, – кивнул Андрей. – У меня травма другого характера, психологическая. В юности менты однажды так хорошо отпинали, что я с тех пор стараюсь поменьше с вашими коллегами общаться. Девушка под присмотром врачей, вам всё и без меня сообщили. Мне необязательно было отсвечивать, вы и без меня во всём разобрались бы.

– Да уж разобрались бы, не сомневайтесь, – недовольно поджал губы следователь. – А почему, Андрей Евгеньевич, вы решили дать показания именно сейчас? Совесть замучила?

– А я ничего такого не сделал, чтобы меня совесть мучила, – неприятно улыбнулся Андрей. – Если хотите включить меня в число подозреваемых в убийстве той женщины, ничего не получится. Меня в городе не было. Вот копии билетов, можете убедиться. Уехал двадцатого после обеда, а вернулся только вчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.